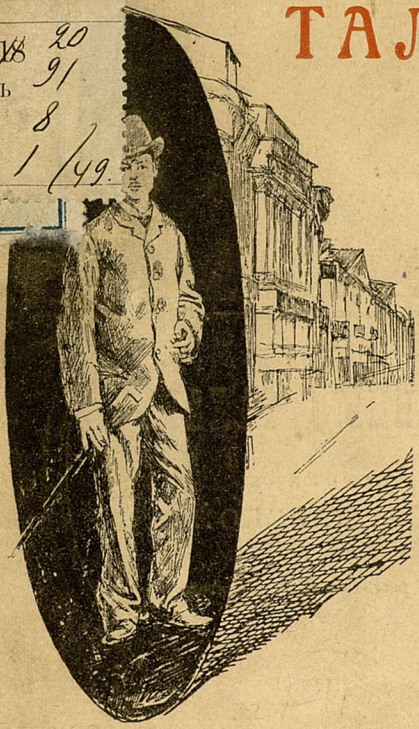
ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ

49

зала 18 20
шкафъ 91
полка 8
№ 1/49.



РАЗСКАЗЪ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 8 рисунками

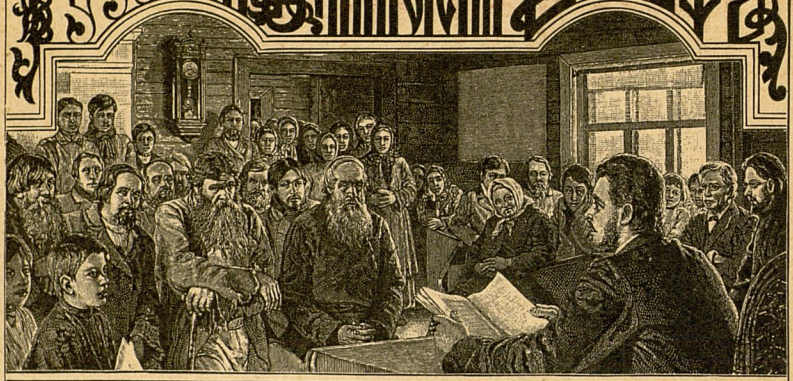
В. А. ПОЛЯКОВА

ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

Цѣна 45 коп.

Русская библіотека Вольфъ



49.

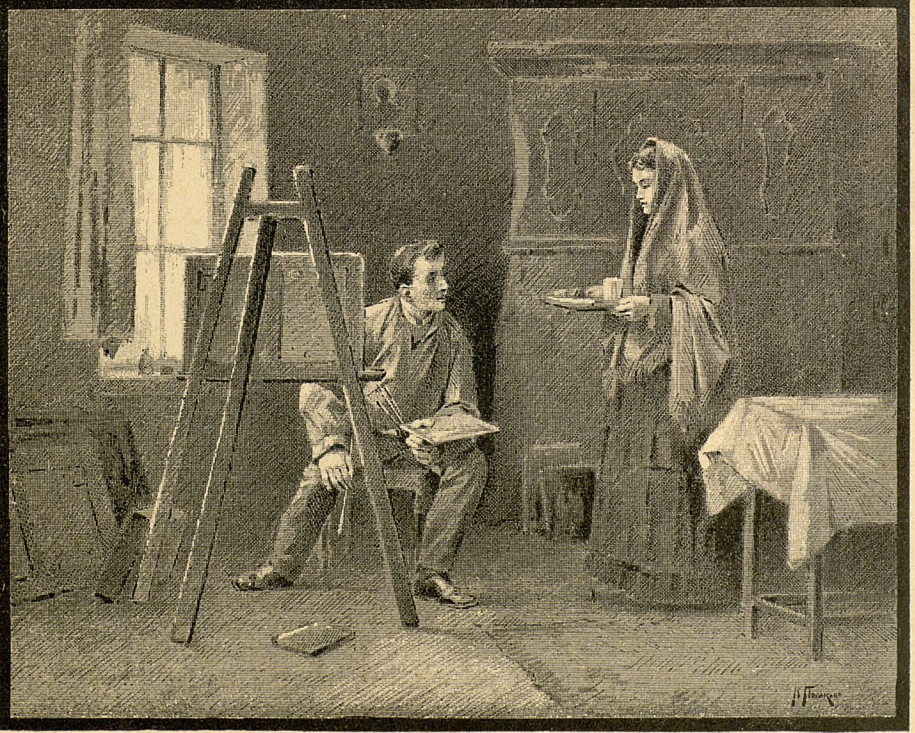
ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ

РАЗСКАЗЪ

Л. А ЧАРСКОЙ

Съ 8 рисунками В. А. Полякова

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

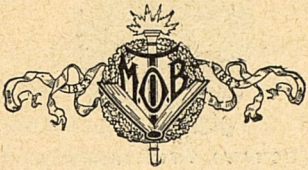


— Вотъ вамъ вашъ завтракъ,— сказала она...

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ

ПОВѢСТЬ

Л. А. ЧАРСКОЙ



Съ 8 рис. В. Полякова

Изданіе
Товарищества М. О. Вольфъ
• С.-Пбургъ • Москва •

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Бас· остр· 16 линія соб· дом·

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ

I.

И ТАКЪ, рѣшено: ты ѣдешь?

— Рѣшено окончательно. Ѣду. Прощай.

Ратманинъ поднялъ на товарища свои красивые черные глаза. Въ нихъ отразилась вся стойкая, непоколебимая натура юноши. Онъ помолчалъ немного, потомъ сказалъ:

— Ты долженъ мнѣ дать слово, Студневъ, навѣщать ее часто, часто... и сообщать мнѣ все, что ей надо... Умоляю тебя объ этомъ ради всего дорогого. Она вѣдь мнѣ не напишетъ, если будетъ въ чемъ-либо нуждаться, ты ее не знаешь, да, Студневъ, ты не знаешь моей матери или, по крайней мѣрѣ, мало ее знаешь. Это, это...

— Святая, — произнесъ бѣлокурый, плотный, некрасивый юноша, Сергѣй Студневъ, представляв-

шій изъ себя полную противоположность высокому, тонкому, изящному Ратманину.

— Святая и ангелъ!..—подтвердилъ послѣдній и хотѣлъ прибавить еще что-то, но стукъ въ дверь и нѣжный голосокъ за нею заставили его разомъ замолчать и насторожиться.

— Вотъ и я. Къ вамъ можно?—произнесъ голосокъ, мелодичный и звонкій, и Анна Викторовна Ратманина появилась на порогѣ.

Это была худая, блѣдная, молодая еще женщина, съ изнуреннымъ, но необычайно красивымъ лицомъ, большими, впалыми, черными глазами. Несмотря на болѣе чѣмъ скромный, даже бѣдный костюмъ, который она носила, несмотря на поношеное платье, небрежную прическу, показывавшую, что Анна Викторовна мало обращаетъ вниманія на свою внѣшность—это была въ полномъ смыслѣ слова красавица. При видѣ ея тщедушной фигурки трудно было сказать, что она мать такого взрослаго, семнадцатилѣтняго юноши, какъ Алексѣй Ратманинъ.

Вообще, ея сынъ мало походилъ на нее. Только одни ея глаза, мечтательные, грустные и глубокіе, какъ море, были совершенно такіе же, какъ у ея Алексѣя.

— Ну, вотъ и я,—произнесла она, протягивая руки обоимъ юношамъ сразу и награждая сына

однимъ изъ тѣхъ взглядовъ, который можетъ дарить только безумно любящая своего ребенка мать.—До поѣзда осталось часъ. Я пришла посидѣть въ «нашемъ уголкѣ», Алеша.—И она любовно окинула крошечную, обставленную болѣе чѣмъ скромно, комнатку сына.

— Вотъ и отлично! А я вамъ мѣшать не буду. Прощай, Алексѣй! Дай Богъ тебѣ удачи и счастья въ столицѣ. До свиданья! Возвращайся скорѣе съ громкою славою и полнымъ карманомъ денегъ,—говорилъ Студневъ шутливымъ тономъ.

Товарищи обнялись.

— Помни-же! Ты обѣщалъ мнѣ позаботиться о мамѣ!—успѣлъ шепнуть другу Ратманинъ.

— Да ужь ладно, ладно. Буду помнить. Ты только самъ то не забывай насъ,—пиши почаще.

И сильно тряхнувъ руку товарища, Студневъ вышелъ.

— На вокзалѣ увидимся!—успѣлъ крикнуть онъ съ порога.

Едва только его плотная, коренастая фигура исчезла за дверью, какъ Анна Викторовна нѣжно и сильно обхватила кудрявую голову Алеши, прижала его къ груди и прошептала съ внезапно застлавшими глаза слезами:

— Милый мой! Сокровище мое! Мальчикъ мой

единственный! Хорошо-ли я дѣлаю, что отпускаю тебя? Алеша мой! Что ты будешь тамъ дѣлать одинъ безъ меня. Какъ ты устроишься? Вѣдь ты привыкъ къ моей заботѣ и ласкѣ! Я съ ума схожу, Алеша, когда подумаю о томъ, какъ ты будешь одинокъ въ чужомъ большомъ городѣ.

Она хотѣла добавить еще что-то, но не выдержала и заплакала, опустившись на близъ стоявшій стулъ. Ратманинъ обхватилъ ея талію руками, положилъ ей на колѣни свою красивую, темнокудрую голову и заговорилъ взволнованнымъ, потрясеннымъ голосомъ:

— Мама, золото мое... родная мама... не плачь! Эти слезы... онѣ сводятъ меня съ ума, мама! Дорогая моя, пойми. Вѣдь тамъ, въ столицѣ, ждетъ твоего сына слава, ждетъ успѣхъ... А главное, занявшись серьезно искусствомъ, я надѣюсь, что въ состояніи буду дать и тебѣ вздохнуть свободно. Вѣдь ты слѣпишь глаза за этимъ ужаснымъ вышиваньемъ гладью. Помнишь, что сказалъ докторъ? При такомъ трудѣ тебѣ не хватитъ твоихъ глазъ на два года... Это ужасно, мама! И я, сильный, здоровый и не бездарный юноша, буду сложа руки сидѣть здѣсь и смотрѣть, какъ ты теряешь глаза, чтобы прокормить меня!.. Нѣтъ! Нѣтъ!... Когда мнѣ раньше совѣтовали ѣхать въ столицу

и говорили, что только тамъ я могу сдѣлать карьеру—я не хотѣлъ ѣхать, не хотѣлъ разстаться съ тобою... Но слова доктора окончательно убѣдили меня, что я долженъ, что я обязанъ ѣхать... Вѣдь всѣ утверждаютъ, будто у меня дѣйствительно талантъ и что мнѣ остается лишь доучиться, чтобы стать настоящимъ художникомъ. Не оставаться-же мнѣ здѣсь! Въ нашемъ городишкѣ негдѣ учиться художнику, негдѣ сбывать картины... А тамъ, ты пойми, я поступлю въ академію... Тамъ, мамочка, я буду учиться, учиться и работать. И я надѣюсь, что мнѣ удастся найти работу, которая доставитъ мнѣ возможность обезпечить и тебя, мама... Ахъ, мама, я вѣрю въ мой талантъ, и вѣрю въ мою счастливую звѣзду... Столица доставитъ мнѣ и славу, и деньги. Я въ этомъ убѣжденъ... Но, главное, столица дастъ мнѣ возможность помогать тебѣ... Я ежемѣсячно стану высылать тебѣ мой заработокъ... Милая ты моя мамочка!

И онъ съ нѣжностью перецѣловалъ одинъ за другимъ тоненькіе пальчики матери.

Анна Викторовна перестала плакать. Она сидѣла задумчивая, притихшая и любовалась своимъ большимъ, умнымъ, добрымъ и талантливымъ мальчикомъ.

Весь городъ знаетъ, какъ онъ талантливъ, ея

Алеша; весь городъ знаетъ, какъ онъ всѣми силами старается облегчить тяжелую долю матери-труженицы. Но въ маленькомъ Вольскѣ негдѣ развиться таланту юноши, негдѣ найти сбытъ работамъ, за которыми немногіе жившіе тамъ знатоки признаютъ уже давно выдающіяся достоинства. Давно уже Аннѣ Викторовнѣ говорятъ, что ея Алешѣ нужно ѣхать куда-нибудь въ большой городъ или въ столицу, гдѣ изъ ея сына могъ бы выйти выдающійся художникъ, но она и слышать не хотѣла о томъ, чтобы разстаться съ своимъ ненаглядным, единственнымъ сынишкою. Но теперь самъ Алексѣй выразилъ твердое намѣреніе ѣхать въ столицу—и она не будетъ противиться ему. Пусть ѣдетъ—разъ иначе нельзя. Она не будетъ горевать больше... Ей нельзя удерживать его, мѣшать ему... Кто знаетъ? Можетъ быть, столица, этотъ чуждый, невѣдомый имъ обоимъ, страшный городъ, дастъ славу и деньги ея Алексѣю.

И она быстро осушила послѣднія, дрожащія на ея рѣсницахъ, слезинки и, прижавъ къ себѣ еще разъ голову своего Алеши, прошептала:

— Съ Богомъ, мой мальчикъ... А я здѣсь буду молиться за тебя...

II.

Какъ во снѣ ѣхалъ Алексѣй Ратманинъ по шумнымъ и суетливымъ петербургскимъ улицамъ. И не только сейчасъ, а все это время переѣзда отъ Вольска до Петербурга казалось ему однимъ сплошнымъ тяжелымъ кошмаромъ. Прощанье съ матерью, съ любимымъ учителемъ—художникомъ Волинымъ и другомъ Сергѣемъ, слезы его мамочки, ея послѣднія напутствія и благословенія, долгій, какъ вѣчность, путь, пріѣздъ и эта совсѣмъ чужая ему сутолока на чужихъ улицахъ въ чужомъ городѣ—совершенно закружили и разбили его, ничего подобнаго не встрѣчавшаго въ своей глухой провинціи. Полуживой отъ усталости, онъ таскался уже около часа по городу, стараясь найти себѣ дешевенькую комнату со столомъ, но всюду, куда ни подвозилъ его Ванька, нанятый имъ у вокзала, куда-бы ни заходилъ Алеша, все не подходило ему. То цѣны за комнату пугали его, то ему показывали такую темную конуру, гдѣ ни въ коемъ случаѣ нельзя было заниматься живописью.

Но вотъ извозчикъ, проѣхавъ цѣлый рядъ разныхъ улицъ, остановился въ какомъ-то узкомъ

переулкѣ, передъ деревяннымъ небольшимъ и невзрачнымъ домомъ, у воротъ котораго на стѣнѣ висѣло нѣсколько зеленыхъ билетиковъ о сдачѣ комнатъ.

— Посмотрите, баринъ,—сказалъ извозчикъ,—здѣсь, кажись, фатерки дешевыя... Давеча студента возилъ, тотъ тоже здѣсь комнату снялъ...

Алексѣй выскочилъ изъ саней и, оставивъ свой чемоданчикъ, ящикъ съ красками и кистями, мольбертъ и весь свой скромный багажъ на попеченіе извозчика, бросился въ ворота и въ слѣдующую же минуту звонилъ у дверей первой квартиры.

Заскрипѣли легкіе шаги за дверью.

— Кто тамъ?—послышался женскій голосъ.

«Господи! совсѣмъ точно маминъ голосъ», — мелькнуло въ головѣ Алеши и даже духъ захватило у него въ груди.

Дверь распахнулась и хорошенькая, молодая дѣвушка появилась на порогѣ.

— Здѣсь отдается комната?—спросилъ Ратманинъ.

— Пожалуйте, здѣсь, я покажу вамъ,—и ласково кивнувъ бѣлокурой головкой, дѣвушка прошла впередъ.

Алексѣй послѣдовалъ за нею. Комнатка, въ

которую она привела его, была небольшая, но очень уютная и вся залитая солнцемъ.

— Ну-съ, какъ вамъ нравится эта комната?— спросила дѣвушка.

— Комната очень хорошая,—отвѣтилъ Ратманинъ.—Мнѣ бы она вполнѣ подошла, только если цѣна...

— О, не безпокойтесь! мы не дорого возьмемъ, такъ какъ эта комната уже третій мѣсяцъ стоитъ пустая,—сказала дѣвушка.—Жаль, дяди нѣтъ, но я вамъ прямо скажу: раньше мы брали за нее пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, а теперь отдадимъ за десять... Обѣды тоже можете у насъ имѣть. По тридцати копѣекъ за обѣдъ не дорого будетъ для васъ? Самоваръ когда хотите, хоть четыре самовара въ день пейте... И прислугѣ ничего платить вамъ не придется, потому что у насъ прислуги нѣтъ, а убирать комнату буду я, да и готовлю я...

«Какая она славная, а главное на маму голосомъ похожа»,—подумалъ Ратманинъ и тутъ же добавилъ вслухъ:—Мнѣ эта комнатка страшно нравится, рисовать здѣсь удобно.

— А вы художникъ?—такъ и встрепенулась дѣвушка.

— Начинающій,—скромно отвѣчалъ Алеша.

— Вотъ хорошо-то!—еще болѣе оживилась она и даже запрыгала на мѣстѣ, какъ маленькая дѣвочка,—и дядя художникъ тоже.

— Да—ну?

— Да, да! О, онъ картины на заказъ пишетъ и портреты... И вы тоже будете писать на заказъ?

— Надѣюсь, и я тоже!—засмѣялся Алеша и заявилъ, что онъ снимаетъ комнату.

— Когда-же вы думаете переѣхать?—спросила дѣвушка.

— Да сейчасъ. Вѣдь у меня всѣ вещи съ собою.

— Ну, вотъ и отлично. Я сейчасъ пошлю дворника за вашими вещами. Вѣдь навѣрное вещей у васъ не такъ много, одинъ дворникъ унесетъ?—и она такъ хорошо и добродушно разсмѣялась, что и самъ Алеша не могъ не засмѣяться слѣдомъ за своей новой хозяйкой.

— Да, вы угадали, вещей у меня не много,—произнесъ онъ шутливымъ тономъ и потомъ прибавилъ:—а васъ какъ зовутъ? Позвольте узнать.

— Анной Дмитріевной! А вы меня можете называть просто Нюрой, а то—что тамъ «Анна Дмитріевна». Смѣшно.

— Ахъ, какъ хорошо, что вы Анна!—произнесъ Алеша.

— Почему же?

— Да маму мою такъ зовутъ. И голосъ у васъ совсѣмъ какъ у мамы, и волосы. Нѣтъ, я положительно радъ, что къ вамъ попалъ. Вы мнѣ маму напомнили.

— Вы вѣрно маму вашу безъ ума любите?— поинтересовалась Нюра.

— Еще-бы!—отвѣчалъ Алеша такимъ тономъ, что сразу расположилъ къ себѣ дѣвушку.—Вѣдь у меня кромѣ мамы никого нѣтъ на свѣтѣ... Она меня послѣ смерти отца выняньчила, выходила и человѣкомъ сдѣлала. Какъ-же маму не любить! А вы развѣ матери своей не любите?

— У меня нѣтъ матери и отца нѣтъ... Я круглая сирота,—грустно отвѣтила Нюра.

— Бѣдная!—тихо произнесъ Алеша.—А эта квартира, скажите, принадлежитъ вашему дядѣ, да?—спросилъ онъ.

Нюра закусила губы и, запинаясь, не сразу сказала:

— Дмитрій Васильевичъ Маринъ, хозяинъ этой квартиры, мнѣ собственно не дядя, а какой-то дальній родственникъ моей покойной мамы, который взялъ меня изъ пріюта... Я его называю дядей и уже третій годъ у него живу, хотя...

Она не досказала—и спросила:

— Позвольте васъ спросить, какъ васъ звать?

— Меня зовутъ Алексѣемъ... Алексѣемъ Ивановичемъ. Но я не привыкъ, чтобы меня такъ называли, да и привыкать не хочется. Мама называла меня всегда Алексѣемъ или Алешей и я бы хотѣлъ, чтобы и вы, Нюра, меня такъ называли. У васъ голосъ очень похожъ на голосъ моей мамы, и когда вы будете меня называть Алексѣй, это мнѣ будетъ напоминать мою дорогую маму.

— Хорошо! хорошо!—радостно отвѣтила дѣвушка.—А только я съ вами заболталась. Дворникъ уже давно вещи принесъ.

И, сказавъ это, она побѣжала въ прихожую. Оттуда черезъ нѣсколько минутъ послышался ея звонкій голосокъ:

— Я вамъ вещи тащу, Алеша!

И вскорѣ сама она, раскраснѣвшаяся отъ усилія, втащила чемоданъ и другія вещи новаго жильца.

— Ну, теперь устраивайтесь,—произнесла она весело,—вотъ и пожитки ваши. А я вамъ кофейку заварю съ дороги. Вамъ что понадобится—крикнете. Я тутъ неподалечку въ кухнѣ буду.

И она быстро скрылась за дверью.

Алеша принялся устраиваться.

Но лицо, голосъ и вся фигура Нюры дали его

мыслямъ новое направленіе. Онъ задумался о матери, которую такъ живо напоминала ему его новая знакомая. Какъ живая встала передъ нимъ миніатюрная фигура Анны Викторовны; онъ вспомнилъ о ея, начатомъ еще въ Вольскѣ, портретѣ, быстро вынулъ его изъ чемодана, поставилъ мольбертъ, растеръ краски и, накинувъ на плечи рабочую блузку, сталъ дописывать ея портретъ.

Онъ такъ прилежно работалъ, что и не замѣтилъ, какъ отворилась дверь и Нюра, осторожно неся стаканъ кофе и булки, вошла въ комнату.

— Вотъ вамъ вашъ завтракъ! — произнесла она.—Батюшки! ужь онъ за дѣломъ!—и дѣвушка вскинула глазами на мольбертъ.

— Господи! Что это за красавица такая!—вырвалось изъ груди ея восторженное восклицаніе.

— Эта моя мама!—съ замѣтной гордостью произнесъ Алексѣй.—Вамъ нравится?

— Очень, очень хорошенькая!—восхищалась Нюра, разглядывая красивое лицо Анны Викторовны.

— Что хорошенькая,—душа у нея золотая! Видѣли бы вы, какъ она глаза надъ мѣткою чужого бѣлья слѣпила, чтобы меня только накормить, одѣть и обуть!

И Алеша съ жаромъ сталъ разсказывать о своей матери. За разговоромъ они не замѣтили,

какъ пролетѣло время и какъ незамѣтно сдружились, точно были знакомы давнымъ-давно.

Вдругъ въ передней раздался зычный, грубый голосъ, отъ котораго задрожали даже стѣны маленькой квартирки.

— Дядя пришелъ. Надо его кормить обѣдомъ,— произнесла далеко не радостнымъ тономъ Нюра и поспѣшила къ себѣ.

Алексѣй съ новымъ жаромъ принялся за работу.

III.

— Очень пріятно познакомиться, молодой человѣкъ,—произнесъ минутъ черезъ пять тотъ же грубый голосъ,—позвольте представиться: я хозяинъ настоящей квартиры, Дмитрій Васильевичъ Маринъ,—и на порогѣ показался худой, высокій человѣкъ, съ черной бородой, съ далеко не привлекательнымъ лицомъ.

Алешѣ онъ съ перваго же взгляда не понравился; его маленькіе, безпокойно бѣгающіе глазки, его льстиво-угодливая улыбка, небрежный костюмъ и грубый, хриплый голосъ, все какъ-то сразу отталкивало отъ него.

Маринъ любопытнымъ взоромъ окинулъ мольбертъ и громко, съ удивленіемъ спросилъ:

— Чья эта картина?

— Какъ чья?—не понялъ Алеша,—это я нарисовалъ портретъ моей матери.

— Вы? Да это не можетъ быть! Этого не могъ нарисовать такой юноша, почти мальчикъ, какъ вы,—грубо произнесъ Маринъ.—Я этому не вѣрю.

Алеша съ наивнымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на Марина.

— Вы въ самомъ дѣлѣ находите, что этотъ портретъ исполненъ хорошо?—спросилъ онъ.

Но Маринъ ничего не отвѣтилъ. Онъ жадными глазами разсматривалъ портретъ, то отступая на нѣсколько шаговъ отъ мольберта, то приближаясь къ нему, и повторялъ:

— Не можетъ быть! Этого не могъ нарисовать начинающій юноша! Позволите мнѣ посмотрѣть вашу работу у себя въ комнатѣ?—спросилъ онъ затѣмъ, прибавляя:—тамъ свѣтлѣе.

— Пожалуйста!—отвѣтилъ Алеша.

— Буду очень радъ васъ видѣть у себя сейчасъ-же!—произнесъ Маринъ и, поспѣшно схвативъ портретъ, быстро выбѣжалъ съ нимъ за дверь.

Алексѣй наскоро сбросилъ свою рабочую блузу и послѣдовалъ за нимъ. Маринъ вбѣжалъ въ большую, свѣтлую комнату, сметнулъ со стоявшаго у

окна мольберта какой-то пейзажъ и, поставивъ на его мѣсто портретъ Анны Викторовны, вскричалъ въ большомъ волненіи, тыча въ него пальцемъ:

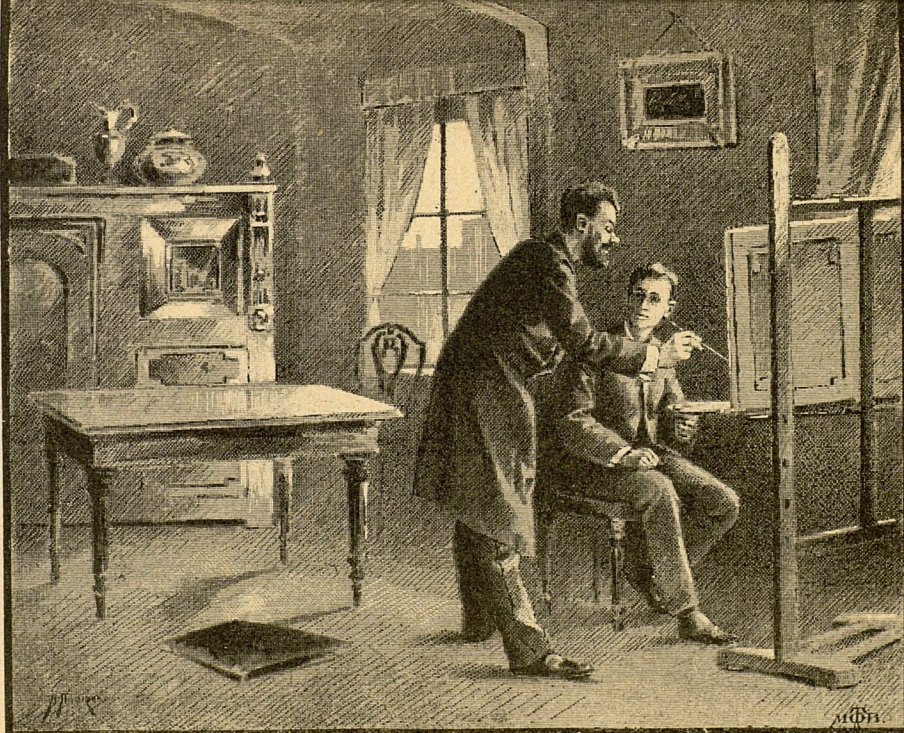
— Они живутъ, эти глаза! Живутъ положительно. Я, Дмитрій Маринъ, говорю вамъ это. Слушайте, молодой другъ... У васъ талантъ большой, огромный!.. И если подправить здѣсь и тамъ... Вотъ...—и, наскоро захвативъ съ палитры краски, онъ сдѣлалъ нѣсколько штриховъ кистью справа и слѣва.

— Вотъ теперь совсѣмъ уже великолѣпно,—произнесъ онъ съ увѣренностью, хотя Алексѣй не могъ не замѣтить, что портретъ потерялъ значительно отъ этихъ двухъ-трехъ мазковъ Марина, но постѣснялся высказать это.

— Позвольте пожать вашу руку, коллега!—произнесъ, какъ только умѣлъ любезно, новый знакомый.—Я буду всячески гордиться дружбой такого талантливаго юноши! Надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ ней?—И онъ протянулъ Алешѣ свою волосатую, грязную руку съ черными ободками на краяхъ ногтей.

Ратманинъ поневолѣ долженъ былъ пожать ее. Маринъ продолжалъ осыпать Алешу комплиментами.

Онъ говорилъ, что гордится выпавшимъ на его долю счастьемъ имѣть такого жильца, буду-



—Они живутъ, эти глаза! Живутъ положительно. Я, Дмитрій Маринъ, говорю вамъ это...

щую знаменитость, будущаго огромнаго художника. Незамѣтно навелъ онъ затѣмъ разговоръ на домашнюю жизнь Алеши, на его средства, ловко выспросилъ юношу обо всемъ и, узнавъ отъ Ратманина, что онъ пріѣхалъ искать счастья въ столицѣ, обѣщалъ ему свое покровительство.

— А что касается вашего намѣренія записаться въ Академію Художествъ, чтобы доучиться,— прибавилъ онъ,—то я вамъ не совѣтую этого дѣлать. Въ академіи вы ничему не научитесь. Это я вамъ говорю положительно. Я вѣдь самъ учился въ свое время въ академіи, но не кончилъ, бросилъ, убѣдившись, что только время напрасно теряю. А все-таки и безъ академіи вышелъ въ художники!.. Впрочемъ, объ этомъ мы съ вами еще поговоримъ. Я думаю, что вы будете очень довольны моими совѣтами... Да и къ чему записаться въ академію, когда вы уже теперь настоящій художникъ, получше многихъ тѣхъ, кто академію окончилъ! А если вамъ нужны будутъ какія-нибудь указанія, я всегда къ вашимъ услугамъ.

«Хозяинъ мой вовсе не дурной человѣкъ, — подумалъ Алеша. — Странно, что онъ показался мнѣ сразу такимъ несимпатичнымъ».

Возвратившись въ свою комнату, Алеша немедленно принялся за письмо къ матери. Онъ по-

дробно, до малѣйшихъ мелочей, описалъ ей свое путешествіе, свою новую комнату, добрую Нюру съ голоскомъ, такъ похожимъ на голосъ мамы, и въ заключеніе повторилъ всѣ тѣ похвалы, которыя расточалъ Маринъ его таланту.

Потомъ онъ помолился Богу, какъ привыкъ это дѣлать дома, и сталъ мечтать о матери и о томъ, какую радость доставитъ онъ ей, если сдѣлается «знаменитостью»... Наконецъ, усталость взяла свое и Алеша уснулъ, какъ мертвый, уснулъ первый разъ въ чужой постели, подъ чужимъ кровомъ.

IV.

А за стѣною у хозяевъ шелъ въ это время разговоръ о немъ. Маринъ съ Нюрой ужинали.

Дмитрій Васильевичъ то и дѣло прикладывался къ рюмочкѣ и выспрашивалъ Нюру о новомъ жильцѣ. Дѣвушка отвѣчала нехотя и мало. Она всегда чуждалась своего суроваго «дяди» и чувствовала себя стѣсненной въ его присутствіи. Онъ обходился съ нею грубо и непривѣтливо, но сейчасъ, послѣ выпитой водки, языкъ у Марина развязался и онъ былъ ласковѣе съ Нюрою чѣмъ всегда. Онъ поминутно восторгался Ратманинымъ.

— Это большой талантъ! Удивительный! Изъ мальчишки выйдетъ прокъ...

Нюра горячо приняла эти слова къ сердцу.

Ей сразу понравился милый, добрый Алеша, такъ горячо любившій свою мать, и она не могла не радоваться его счастью.

— Какъ я рада, дядя, что онъ талантливый, этотъ Ратманинъ!—произнесла она, оживляясь,—онъ такой славный...

— А ты сколько съ него за обѣды взяла?—неожиданно оборвалъ племянницу Маринъ.

— Тридцать копѣекъ, какъ всегда со всѣхъ жильцовъ брали,—отвѣтила Нюра.

— Ну и дура!—грубо накинулся на Нюру Дмитрій Васильевичъ.—По полтиннику съ него бери... Слышишь! Полтинникъ за обѣдъ, по гривеннику за самоваръ.

— Да какъ же, дядя?... Я ужь ему сказала прежде... Да и за самоваръ никогда ничего не брали съ тѣхъ, съ прежнихъ жильцовъ.

— И опять ты дура!—закричалъ съ раздраженіемъ Маринъ...—Съ него можно брать... Съ него надо брать... Понимаешь... Говорятъ тебѣ толкомъ, слушайся меня. Разъ велѣно брать полтинникъ, ты и бери, и стыдъ въ карманъ спрячь... Я знаю, что говорю...

— Да вѣдь, дядя, онъ, этотъ новый жилецъ, бѣдненькій,—пробовала было возразить Нюра,—онъ самъ мнѣ говорилъ, что у него каждый грошъ разсчитанъ и что тѣхъ денегъ, которыя онъ привезъ съ собою, ему едва-едва хватитъ и на мѣсяцъ. А пока онъ начнетъ здѣсь самъ зарабатывать, пройдетъ вѣроятно не мало времени...

— Я это отлично знаю,—говорилъ Маринъ, наливая себѣ еще одну рюмку, хотя у него уже замѣтно языкъ заплетался отъ выпитой водки.— Да, знаю. И чѣмъ скорѣе этотъ мальчишка проживетъ привезенные съ собою изъ Вольска гроши, тѣмъ мнѣ же лучше будетъ...

— Почему же вамъ, дядя?—удивилась Нюра.

— То-есть не мнѣ, а ему, дурочка,—спохватился Маринъ...—ему лучше будетъ, онъ скорѣе за работу примется и...и...и... Словомъ, это мое дѣло и ты не вмѣшивайся... Я такъ хочу! Поняла? А теперь пошла спать!..—закончилъ онъ свою рѣчь грубымъ окрикомъ.

Нюра покорно поднялась съ мѣста и, пожелавъ Марину покойной ночи, поплелась въ свою коморку.

Сердце ея почему-то ныло. Точно какая-то бѣда грозила ея новому другу, который сумѣлъ ее привлечь своей добротой и искренностью. А Маринъ, оставшись одинъ, допилъ водку и, поти-

— Это большой талантъ! Удивительный! Изъ мальчишки выйдетъ прокъ...

рая отъ удовольствія руки, произнесъ тихо, но значительно:

— Сама судьба посылаетъ мнѣ этого глупаго мальчишку. Дурачокъ даже не знаетъ, какой огромный у него талантище... Ну-съ, это намъ на руку, Дмитрій Васильевичъ. О, и обдѣлаемъ же мы дѣльце!.. Прежде всего необходимо затянуть мальчугана, а когда ему придетъ крайность, тутъ и предложить свои условія: такъ молъ и такъ, не хочешь-ли выплыть, дружокъ? И захочетъ, какъ Богъ святъ, захочетъ! И дѣло въ шляпѣ... А мы... мы еще прославимъ себя, Дмитрій Васильевичъ. О насъ еще поговорятъ!.. Не хотѣли признавать въ тебѣ художника, Дмитрій, правдой, признаютъ его кривдой. Всѣ враги мои признаютъ... Всѣхъ васъ проведу и выведу, голубчики мои!.. Только надо осторожно за дѣло приняться... Все будетъ такъ, какъ я придумалъ... Недѣлька, другая — и заговорятъ тогда о Маринѣ; о томъ самомъ Маринѣ, котораго считаютъ теперь бездарностью, котораго заставляютъ писать дешевыя картинки для рыночныхъ торговцевъ... Подождите, я вамъ всѣмъ покажу!..

И продолжая потирать руки, Маринъ тихо хихикалъ, предвкушая что-то очень пріятное и радостное для себя.

V.

Маринъ исполнилъ свое слово и буквально не отставалъ отъ своего молодого жильца.

Онъ началъ съ того, что водилъ его по городу, показывалъ ему театры и кофейни, знакомилъ его съ какими-то темными личностями, которыхъ выдавалъ за своихъ товарищей-художниковъ, прибавляя при этомъ, что Ратманину весьма полезно, даже необходимо подобное знакомство. А въ тѣ рѣдкіе часы, когда Алеша оставался дома, грязные, лохматые друзья Марина являлись въ чистенькую комнатку Алеши, курили въ ней скверный табакъ, требовали чай, водку и закуску и льстиво восхваляли талантъ Ратманина.

Такъ прошла недѣля. За эту недѣлю Алеша ровно ничего не сдѣлалъ; постоянные посѣтители и самъ Маринъ не оставляли его ни на минуту одного и мѣшали ему работать.

— Не хотимъ вамъ давать скучать, молодой человѣкъ!—со своей обычной сладенькой улыбкой говорилъ Маринъ,—соскучитесь вы, и работа не пойдетъ впослѣдствіи.

— Мнѣ бы хотѣлось побывать въ академіи да познакомиться съ профессорами живописи,

чтобы они посовѣтовали мнѣ, поступать-ли въ академію или иначе устроиться какъ-нибудь, — говорилъ Алеша.

— Э-э! академія—вздоръ!—говорилъ Маринъ,— я васъ и безъ академіи вытяну, вы мнѣ только довѣрьтесь, юноша! Вы только слушайтесь меня и слѣдуйте моимъ указаніямъ... А что касается профессоровъ, то я самъ приглашу ихъ сюда къ вамъ... У меня вѣдь есть знакомые профессора... Они здѣсь посмотрятъ, какъ вы работаете, и навѣрное скажутъ вамъ то же самое, что и я: вамъ въ академію не надо...

— Но я за все это время ничего не работалъ, некогда,—смущенно оправдывался Алеша.

— О, это ничего! Придетъ время—поработаете!—успокаивалъ его Маринъ.—Сперва надо хорошенько отдохнуть, да хорошенько посмотрѣть Петербургъ, набраться впечатлѣній, какъ говорятъ наши художники, а ужь потомъ приняться запоемъ за работу... Вы только не безпокойтесь. Я самъ, когда придетъ время, засажу васъ за работу.

Но Алеша отлично сознавалъ, что уже давно пришло время приняться за работу.

Прошла недѣля, еще недѣля и еще... Скоро будетъ мѣсяцъ, какъ онъ здѣсь, а между тѣмъ никакого заработка въ ближайшемъ будущемъ ему

не предвидѣлось. Тѣ скромныя сбереженія, которыя онъ привезъ изъ Вольска, подходили къ концу. Они всѣ разошлись на угощенья его новыхъ знакомыхъ и на хожденія по театрамъ съ Маринымъ и его друзьями.

А тутъ еще надо было платить за комнату, за столъ, за стирку бѣлья и прочее.

Алеша волновался съ каждымъ днемъ все больше и больше. Его письма къ матери дышали далеко не тѣмъ юношескимъ задоромъ и торжествомъ юной силы, какъ то первое письмо, которое онъ отправилъ въ день своего пріѣзда въ Петербургъ, послѣ восторженнаго отзыва Марина о его картинѣ.

А Анна Викторовна, чуткая до всего, что касалось ея Алеши, посылала ему длинныя, горячія посланія, наполненныя материнской заботой и лаской безъ конца.

Какъ-то разъ Алеша, вставъ очень рано утромъ, когда еще всѣ спали, взялъ кисть въ руки и набросалъ крошечную картинку, на которой изобразилъ Нюру, подающую ему въ первый день его пріѣзда кофе. Картинка попала въ руки Марина. Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Подождите, я снесу эту картинку знакомому торговцу. Интересно, что онъ скажетъ.

И въ тотъ же день Маринъ понесъ картинку на рынокъ, старому продавцу, покупавшему обыкновенно аляповатые мариновскіе виды, ручейки, рощи, зимы и т. п.

— Это откуда у васъ такая чудная вещь?— спросилъ торговецъ, любуясь картинкою.

— Какъ откуда?—смѣло отвѣтилъ Маринъ,— это моя работа... Неужто вы думаете, что я могу писать только ручейки да рощи... Вы еще не знаете Марина.

— Вотъ какъ! Отлично. Такихъ картинокъ приносите побольше, я всегда готовъ ихъ покупать...

Маринъ очень довольный вернулся домой, но Алешѣ сообщилъ, что съ трудомъ удалось ему пристроить картинку, да и то всего за пять рублей, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ получилъ за нее цѣлыхъ пятьдесятъ рублей.

Алешѣ и въ голову, конечно, не приходило провѣрить—правду ли говорилъ хозяинъ. Онъ былъ радъ и пяти рублямъ, которые Маринъ, впрочемъ, оставилъ у себя «за обѣды».

VI.

Стояло хмурое зимнее утро.

Алеша только-что проснулся. Голова у него ныла, горѣла.

Наканунѣ онъ поздно легъ спать. Маринъ и его друзья до утра засидѣлись у него въ комнатѣ. Всѣ они явились къ нему «перекусить и покалякать», какъ выразился Маринъ.

Алеша былъ очень смущенъ этой навязчивостью. У него не было денегъ на угощеніе, и онъ, застѣнчиво краснѣя, признался въ этомъ Марину.

— Вотъ она молодость-то и неопытность!—расхохотался тотъ.—Зачѣмъ же дѣло то стало? Вы мнѣ скажите, чѣмъ хотите угостить эту ораву, и все будетъ по щучьему велѣнью. Нюрка сбѣгаетъ въ лавочку. Я ей дамъ на все, а потомъ сочтемся.

Алеша пожалъ руку Марина и принялъ его предложеніе.

Появились, дѣйствительно, какъ по щучьему велѣнью, и вина и закуски. Лохматые друзья Марина ѣли и пили за Алешино здоровье и очень сожалѣли, что ихъ новый товарищъ не беретъ въ ротъ вина.

Только подъ утро они ушли и оставили Алексѣя съ непріятной усталостью во всемъ тѣлѣ, вслѣдствіе безсонной ночи, и съ адскою болью въ головѣ.

Едва онъ улегся въ кровать, какъ кто-то постучался у двери.

— Сейчасъ! Сейчасъ!—засуетился Алеша и сталъ быстро одѣваться.

— Войдите пожалуйста!—крикнулъ онъ минутъ черезъ пять, успѣвъ одѣться и наскоро умыться.

— Это я, Алеша. Вамъ письмо принесла!—и Нюра, хлопотливая и оживленная, появилась на порогѣ съ большимъ конвертомъ въ рукѣ.

— Письмо изъ Вольска!—заключила она торжествующе.

— Отъ Сережи письмо, отъ Студнева, — разомъ оживляясь произнесъ Алеша.—Что-то онъ пишетъ мнѣ?

— А вотъ прочтите и узнаете!—весело разсмѣялась Нюрочка.—А узнаете,—меня позовите и своей радостью подѣлитесь. Пока оставляю васъ наединѣ съ письмомъ!

И она быстро исчезла за дверью.

Алексѣй вскрылъ конвертъ и прочелъ.

«Другъ Алеша,

Не выдавай меня твоей матери, но я не могу молчать больше. Съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ, она перебралась въ уголъ къ прачкѣ Семеновой, которая на васъ стирала, въ дешевый сырой уголъ, а теперь отъ сырости простудилась и заболѣла. Уже двѣ недѣли какъ она лежитъ въ жесточай-

шей простудѣ. Денегъ у нея нѣтъ ни копѣйки, потому что всѣ свои сбереженія она отдала тебѣ для поѣздки въ Петербургъ. Я насилу упросилъ ее взять отъ меня въ долгъ на доктора и лѣкарство. Но у меня самого не густо, ты знаешь, а посему, Алексѣй дружище, поторопись выслать матери хоть немножко денегъ, чтобы хоть на обѣды ей хватило, а то ей приходится ѣсть щи да кашу вмѣстѣ съ Семеновой. Да и доктора хорошаго пригласить не мѣшаетъ. Хотя опасности особенной еще нѣтъ, но кто знаетъ? Ея кашель меня очень смущаетъ. Ей необходимо перебраться въ сухое, теплое помѣщеніе, а на это опять-таки нужны деньги. Когда я заикнулся о томъ, что напишу тебѣ о ея дѣлахъ, она вся затрепетала какъ птичка и стала умолять меня не дѣлать этого,—«пусть, говоритъ, Алеша работаетъ со спокойной душой, а то заботы обо мнѣ оторвутъ его отъ дѣла». А? что ты на это скажешь, Алексѣй? Я же скажу одно: твоя мать ангелъ. Но ты долженъ поддержать этого ангела, если не хочешь, чтобы онъ улетѣлъ отъ тебя и поэтому поторопись съ присылкой денегъ для Анны Викторовны. Твой другъ Сергѣй».

Алеша, весь блѣдный и трепещущій, докончилъ письмо. На лбу его выступили крупныя

капли пота. Слезы душили горло. Сердце билось до того, что онъ слышалъ, улавливалъ ухомъ каждый ударъ его. Наконецъ, онъ не выдержалъ, упалъ головою на столъ и, выронивъ письмо изъ рукъ, горько, неудержимо заплакалъ. Болѣзненная тоска по матери, отчаянный страхъ за ея участь и полное безсиліе помочь ей—сломили энергію и силы юноши.

— Мама! Мама!—рвалось стонами и воплями изъ его души,—что я сдѣлалъ съ тобою, мама! Я не долженъ былъ поддаваться бездѣлью все это время!.. Надо было приказать себѣ работать!.. Надо было...

И Алексѣй зарыдалъ еще сильнѣе.

Отчаяніе такъ остро захватило юношу, что онъ не слышалъ, какъ легкими, крадущимися шагами вошелъ въ комнату Маринъ.

— О чемъ это вы такъ печалитесь, Алексѣй Ивановичъ?—спросилъ онъ.

Алеша, обрадованный, что можетъ хоть кому-нибудь разсказать про свое горе, въ нѣсколькихъ словахъ передалъ содержаніе письма матери.

— Зачѣмъ плакать!—произнесъ, выслушавъ его и кладя ему руку на плечо, вкрадчивымъ голосомъ Маринъ.—Право, плакать не стоитъ.

— Какъ не стоитъ? Это ужасно: моя мама

погибнетъ... умретъ,—съ дрожью въ голосѣ прошепталъ Алеша,—и я не могу ничѣмъ ей помочь. Вѣдь я до сихъ поръ, за исключеніемъ тѣхъ пяти рублей, которые вы мнѣ принесли, не заработалъ ни гроша...

— Такъ что же? Успѣете еще заработать,—а пока я могу вамъ помочь, вамъ и ей...

— Вы!—радостно воскликнулъ Алеша.—О! Дмитрій Васильевичъ, вы не знаете, какъ я вамъ буду обязанъ... Я готовъ все, все сдѣлать, что только вы прикажете, только дайте мнѣ возможность послать мамѣ денегъ...

— И пошлете, если хотите—даже сегодня еще, если только мы столкуемся... Но здѣсь неудобно разговаривать. Вѣроятно, сейчасъ придутъ наши знакомые, а мнѣ нужно вамъ кое-что объяснить—помѣшаютъ. Пойдемте рядомъ въ трактирчикъ, попьемъ тамъ чайку, перекусимъ и покалякаемъ. Я привыкъ дѣла всегда обдѣлывать въ трактирѣ... Идемъ, что-ли?

— Идемъ! Идемъ! — оживляясь, произнесъ Алеша.

И онъ съ глубокой надеждой вскинулъ глаза на Марина.

— Не горюйте! Устроимъ все какъ слѣдуетъ! А теперь шагомъ маршъ! Поворотъ направо! —

весело захихикалъ Маринъ, увлекая своего юнаго жильца въ переднюю.

— Нюрка! къ обѣду насъ не жди!—крикнулъ онъ,—мы съ Алексѣемъ Ивановичемъ кутимъ сегодня!

VII.

Маринъ привелъ Алешу въ трактиръ и занялъ съ нимъ отдѣльную комнатку, гдѣ обыкновенно мелкіе купцы рѣшали свои торговыя дѣла.

— Ты, любезный мой, — обратился къ прислуживающему мальчику Маринъ, — принеси намъ водочки графинчикъ да осетринки на закуску.

— Слушаю, господинъ! — и маленькій слуга кинулся со всѣхъ ногъ исполнять приказаніе.

Черезъ пять минутъ на столѣ передъ Алешей и его спутникомъ очутился графинъ водки и закуска.

— Я не пью водки! — заявилъ Ратманинъ, брезгливо косясь на графинъ.

— Вотъ и напрасно. Въ иныхъ случаяхъ это очень полезно, молодой человѣкъ. А впрочемъ, я не неволю... Ступай, мальчуганъ, и принеси молодому барину чаю,—крикнулъ онъ затѣмъ.

Слуга немедленно принесъ цѣлый чайникъ.

— Поставь и уходи, ты намъ больше ненуженъ,—приказалъ Маринъ слугѣ.

И когда тотъ, шурша подошвами, исчезъ за дверью, Маринъ положилъ руку на плечо Алеши и произнесъ:

— Вы должны послать вашей матушкѣ немедленно денегъ. Да?

— Да,—произнесъ Алеша упавшимъ голосомъ.

— Должны заплатить мнѣ за обѣды, комнату и кой-какіе должишки по пріему гостей?

— Да!—снова подтвердилъ глухимъ голосомъ юноша.

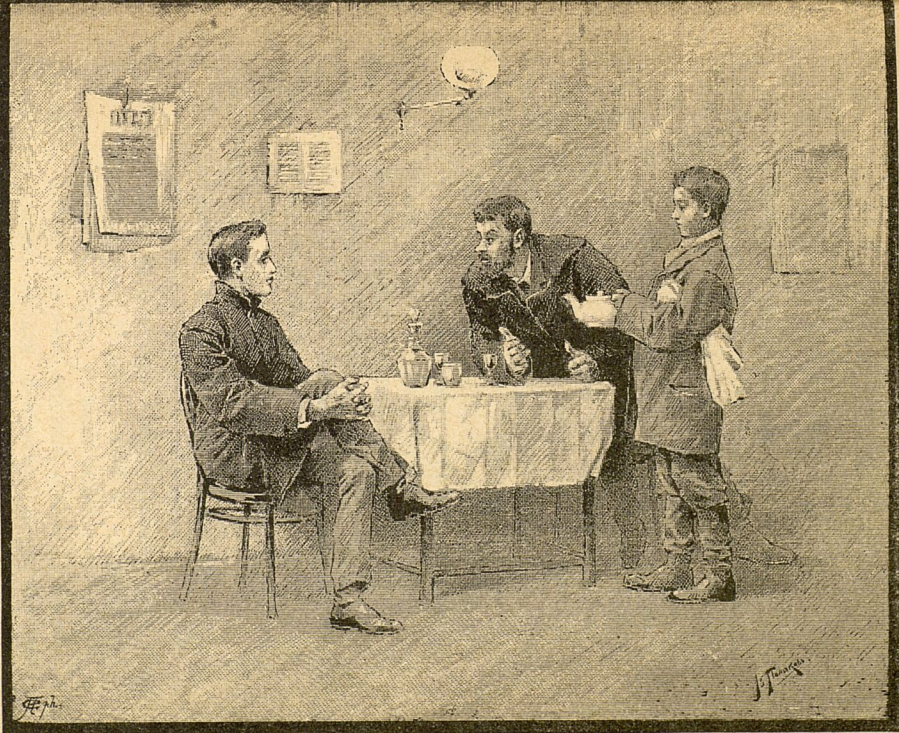
— А денегъ у васъ ни копѣйки, не такъ-ли?

— Такъ,—однозвучно проронилъ Алексѣй.

— А хотите, онѣ у васъ будутъ? И не только сейчасъ будутъ, а ежемѣсячно вы будете получать отъ меня копѣечка въ копѣечку, рубль въ рубль тридцать рублей. Кромѣ того, я не буду брать съ васъ за столъ, квартиру и прочее. И того выйдетъ пятьдесятъ цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Хотите?

— Пятьдесятъ рублей! — вскричалъ Алеша,— но вѣдь это капиталъ и капиталъ огромный! Это такія большія деньги, такой заработокъ, какой мнѣ и во снѣ не снился.

— Да, деньги не малыя, но и трудъ за



Слуга немедленно принесъ цѣлый чайникъ.

нихъ долженъ быть не малый, — произнесъ задумчиво Маринъ. — Слушайте меня внимательно, юноша. Ваша мать можетъ умереть съ голода, пока вы наработаете ей хоть немного денегъ. И какъ вы работать-то станете? Ну, талантъ у васъ есть—это правда. Но этого мало. Однимъ талантомъ такъ, сразу, ничего не сдѣлать. Нужна извѣстность. Кто станетъ покупать картины какого-то никому невѣдомаго Ратманина? Или кто догадается заказать вамъ портретъ? Конечно, никто. Вѣдь у насъ, въ Петербургѣ, художниковъ цѣлыя сотни и годами они добиваются извѣстности, а многіе такъ и умираютъ съ голода.

— Такъ что-же дѣлать? что-же дѣлать? — испуганно спросилъ Алеша.

— А вотъ что, — сказалъ Маринъ, придвинувшись совсѣмъ близко къ Алешѣ,—вступить въ компанію со мною. Это единственный исходъ, Алексѣй Ивановичъ.

— Я васъ не понимаю, Дмитрій Васильевичъ.

— Вотъ я вамъ сейчасъ объясню. У меня, какъ никакъ, извѣстность больше вашей. Хотя и утверждаютъ, что Маринъ—плохой художникъ, хотя и говорятъ, будто у меня таланта нѣтъ совсѣмъ, а мои картины годятся будто-бы только для трактировъ, да для богатыхъ, но ничего не

понимающихъ лавочниковъ, все-же Марина знаютъ всѣ торговцы картинами, знаютъ многіе заказчики. Мои картины находятъ всегда покупателей. И еслибъ я побольше писалъ картинъ, то я могъ бы всѣ продать Но работать больше того, что я работаю, мнѣ, какъ вамъ извѣстно, трудно... Усталъ я.. И мнѣ нуженъ помощникъ, т.-е. какой-нибудь такой молодой художникъ, у котораго есть и силы и желаніе поработать, и который согласился бы войти со мною въ компанію: онъ будетъ работать, писать, по моимъ, конечно, указаніямъ, а я буду продавать эти работы подъ моимъ именемъ... Ну, можетъ быть кое-что исправлю, если нужно, кое-что измѣню... Чистый же барышъ мы раздѣлимъ... Такъ вотъ, Алексѣй Ивановичъ, я вамъ предлагаю сдѣлаться отнынѣ моимъ компаніономъ: я буду вамъ платить пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, но съ тѣмъ, что картины, которыя вы будете писать, вы должны подписывать моимъ именемъ и передавать ихъ мнѣ. И вы должны писать только такія картины, какія я вамъ укажу. Ну, словомъ, чтобъ вашъ трудъ—былъ моимъ трудомъ, вашъ талантъ былъ моимъ талантомъ. Но все это между нами, и никто, кромѣ васъ да меня, не долженъ объ этомъ знать. То, что существуетъ какой-то Ратманинъ, не должно быть извѣстно ни одной душѣ. За это

при вашемъ содѣйствіи Дмитрій Маринъ выплывetъ снова и докажетъ этимъ олухамъ, которые его заклевали десять лѣтъ тому назадъ, не признавъ его таланта, докажетъ, что онъ можетъ писать не только рыночные «ручейки», «зимы», да портреты толстопузыхъ купцовъ, но что Маринъ въ состояніи создавать и настоящія художественныя картины, потому что у васъ талантъ, да, талантъ, это я вамъ говорю прямо!

И Маринъ такъ сильно ударилъ кулакомъ по столу, что вся стоявшая на немъ посуда жалобно зазвенѣла. Его глаза налились кровью, лицо поблѣднѣло. Онъ былъ страшенъ въ эту минуту.

— Если вы согласитесь на мое предложеніе, Алексѣй Ивановичъ, вамъ ни о чемъ тогда не придется заботиться, — прибавилъ, успокоившись немного, Маринъ. — Вы будете себѣ спокойно работать и получать каждый мѣсяцъ пятьдесятъ рубликовъ, и вамъ не придется искать заработка... Я же найду покупателей на всѣ ваши, т.-е. на мои работы... И замѣтьте, — прибавилъ онъ, — пятьдесятъ рублей я вамъ предлагаю только для начала. А когда дѣло пойдетъ — я охотно и больше вамъ заплачу... за сотнею не постою... Маринъ вѣдь честный человѣкъ...

Алеша слушалъ все это молча, въ глубокой

задумчивости. Слова Марина произвели на него потрясающее впечатлѣніе. Онъ понялъ, что ему предлагаютъ продать свой талантъ, продать навсегда. Онъ понялъ, что разъ онъ согласится на предложеніе Марина, путь къ той славѣ, о которой онъ мечталъ столько лѣтъ, славѣ художника, закроется для него навсегда. И онъ уже готовъ былъ вскрикнуть: «Нѣтъ, нѣтъ, я не продамъ вамъ себя, ни за что не продамъ!»—но въ ту же минуту вспомнилъ о своей матери, которую онъ, согласившись на предложеніе Марина, можетъ спасти отъ нужды, больше — отъ смерти. «Не надо славы,—мысленно говорилъ онъ себѣ,—пусть только она, моя дорогая, живетъ»... И, недолго думая, онъ протянулъ руку Марину и твердо сказалъ:

— Я согласенъ! располагайте моимъ талантомъ, если вѣрите, что онъ у меня есть!

Маринъ жадно схватилъ обѣими руками протянутую ему руку юноши, съ трудомъ удерживаясь отъ крика восторга, готоваго сорваться съ его губъ.

— Вотъ вамъ первые пятьдесятъ рублей, — сказалъ онъ затѣмъ.—Первая получка-съ! Благоволите принять. За квартиру и обѣды не высчитываю. Послѣ сосчитаемся. Вамъ вѣдь теперь нужны деньги для матери...

И вынувъ нѣсколько засаленныхъ десятирублевокъ изъ ветхаго бумажника, онъ передалъ ихъ Алексѣю.

Тотъ принялъ деньги трепещущей рукою и положилъ въ карманъ. Сердце его то билось, какъ подстрѣленная птица, то замирало мучительно и жутко.

— Да, вотъ еще,—произнесъ Маринъ.—Чуть было не забылъ. Хотя я вамъ вѣрю на слово, но все же лучше заключить маленькое условіе. Вѣрнѣе-съ! Да оно, кстати, у меня уже написано и вамъ надо только его подписать.

При этихъ словахъ Маринъ вынулъ изъ того же бумажника большой исписанный листъ бумаги. Алеша быстро пробѣжалъ бумагу, въ которой значилось, что онъ обязуется впредь работать у Марина, исполнять всѣ работы только по его указаніямъ, предоставлять подписывать ихъ именемъ Марина и не продавать ни одной картины подъ своимъ именемъ, о заключенномъ же условіи хранить тайну.

Алеша, прочитавъ это условіе, схватился было за голову, но затѣмъ быстро поставилъ свою подпись и возвратилъ его Марину.

— Теперь все въ порядкѣ! — произнесъ радостно Маринъ.

Въ это самое время кто-то постучалъ въ дверь.

— Ага! вотъ куда они оба спрятались!—послышался грубый голосъ, и одинъ изъ друзей Марина и новыхъ знакомыхъ Алексѣя вошелъ въ комнату.

— Мнѣ трактирный мальчикъ сказалъ, что вы оба здѣсь. О чемъ толковали-съ?—освѣдомился онъ, приподнимая свою засаленную фуражку.

— Тсъ! Ни слова никому о нашемъ дѣлѣ,—успѣлъ шепнуть Маринъ Алешѣ, принимая при этомъ самый безпечный и даже веселый видъ.

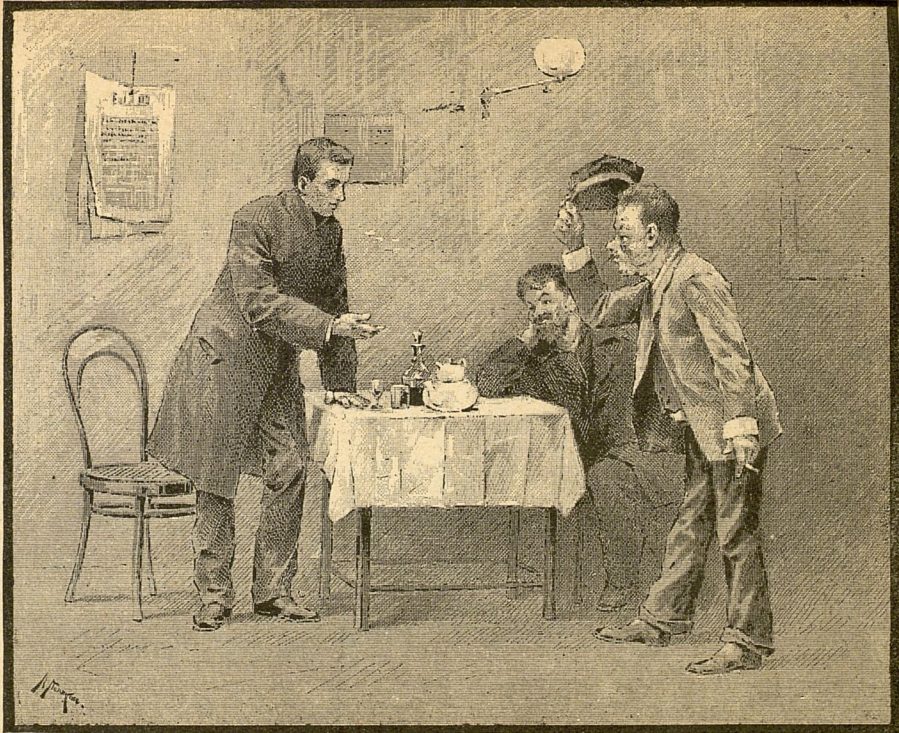
Потомъ онъ добавилъ громко, какъ ни въ чемъ не бывало:—Алексѣй Ивановичъ, вы хотѣли отнести деньги на почту для вашей матери. Торопитесь, а то будетъ поздно. А мы здѣсь потолкуемъ вотъ съ нимъ!—и онъ кивнулъ головою на вновь прибывшаго.

Алеша горѣлъ нетерпѣніемъ отослать въ Вольскъ свою первую получку. Къ тому же его необъяснимо тянуло побыть наединѣ съ самимъ собою. Поэтому онъ поспѣшилъ воспользоваться предложеніемъ Марина и бросился вонъ изъ трактира.

На лѣстницѣ до него донесся голосъ Марина, обращенный очевидно къ его знакомому:

— Поздравьте меня съ успѣхомъ.

— О чемъ толковали? — освѣдомился онъ, приподнимая свою засаленную фуражку.



VIII.

Съ блѣднымъ лицомъ и пылающими глазами Алексѣй стоялъ за мольбертомъ. Его рука, вооруженная кистью, набрасывала послѣдніе мазки. Палитра съ красками трепетала въ другой рукѣ. Онъ весь горѣлъ отъ охватившаго его художественнаго увлеченія.

Картина была почти закончена. Она изображала бѣдную комнату. Въ постели, въ жару, лежалъ больной ребенокъ. У столика сидѣла молодая женщина и мѣтила бѣлье. Ея лицо, красивое, но изнуренное и усталое, ея красные отъ безсонницы глаза, ея согнутая надъ работой фигура, — все это составляло главный центръ картины. И фигура женщины удалась на-славу. Она была, какъ живая. Алексѣй воспроизвелъ въ ней портретъ своей матери, а въ больномъ ребенкѣ изобразилъ себя лѣтъ десять назадъ.

Картина носила названіе «Ради сына». Сегодня онъ долженъ былъ закончить ее. Онъ сидитъ надъ нею уже около мѣсяца. Это его первый серьезный трудъ. Тема картины захватила его, потому что онъ взялъ ее изъ своей собственной жизни. И свою мать онъ изобразилъ на ней, какъ живую.

Онъ лихорадочно набросилъ нѣсколько мазковъ и, далеко отшвырнувъ отъ себя кисть и палитру, взглянулъ на работу.

Картина точно жила. Алексѣй отошелъ отъ нея на нѣсколько шаговъ.

Февральское солнце какъ разъ въ эту минуту ударило въ комнату и озарило картину. Фигура женщины такъ и бросалась въ глаза, какъ живая, правдивой точностью. Цѣлая поэма материнской любви и материнскихъ страданій смотрѣла съ этого мастерски исполненнаго личика.

Алексѣй весь затрепеталъ отъ счастья. Онъ понялъ самъ, что картина хороша. Онъ схватилъ кисть потоньше и снова бросился къ мольберту. Рука его сдѣлала движеніе написать начальныя буквы его фамиліи, и вдругъ кисть выпала изъ его рукъ. Онъ схватился за голову и глухо застоналъ, вспомнивъ, что это не его картина, что подъ нею будетъ стоять имя того ужаснаго человѣка, которому онъ продалъ свой талантъ въ тяжелую, мучительную минуту.

О, этотъ человѣкъ!

Вотъ уже около года, какъ онъ находится подъ его страшной властью. Онъ написалъ для него до десятка мелкихъ картинъ, которыя уже дали имя Марину, дали ему и великолѣпный зарабо-

токъ О Маринѣ писали, о немъ говорили. Каждая изъ картинъ, подписанная именемъ Марина, покупалась немедленно, лишь только появлялась на выставкѣ или въ витринѣ того магазина, куда сбывалъ ихъ художникъ.

И тѣ, которые знали Марина по его прежнимъ посредственнымъ работамъ, удивлялись, какъ это сразу у него явился такой талантъ. Но никто не подозрѣвалъ, что всѣ эти картины писаны вовсе не Маринымъ, а никому неизвѣстнымъ юношею изъ Вольска...

Только Алеша съ каждой картиной чувствовалъ все больше и больше невыносимую душевную боль и муку.

За этотъ годъ никто бы не узналъ въ немъ прежняго свѣжаго юноши. Лицо Ратманина осунулось, какъ у больного. Глаза ввалились глубоко въ орбиты и горѣли дикимъ, лихорадочнымъ огнемъ.

Сейчасъ это лицо, эти глаза казались еще страшнѣе, еще болѣзненнѣе. Мысль вертѣлась на одномъ: онъ долженъ передать Марину и эту картину! И эту, написанную кровью и сердцемъ. О!

Алеша схватился за голову и замеръ на мѣстѣ. Такъ онъ просидѣлъ въ глубокомъ отчаяніи минуту, другую. Потомъ быстро поднялъ кисть и

подписалъ ею на углу картины: *Дмитрій Маринъ*.

Въ эту минуту въ дверь проскользнула сутуловатая фигура самого Марина.

Онъ приблизился къ картинѣ, взглянулъ на нее и невольно вскрикнулъ отъ восторга...

Глаза его загорѣлись торжествомъ.

— Хорошо, мой юный другъ, превосходно!— произнесъ онъ, не отрывая глазъ отъ картины.— Такъ превосходно, что хоть я условился платить вамъ только пятьдесятъ рублей—за эту картину я вамъ еще отдѣльно прибавлю двадцать пять цѣлковыхъ... О, Дмитрій Маринъ умѣетъ цѣнить людей! — добавилъ онъ съ гордымъ достоинствомъ.

Если-бы годъ тому назадъ Алеша услышалъ это, онъ былъ бы безконечно счастливъ. Лишнихъ двадцать пять рублей! Вѣдь это для него съ матерью крупная сумма!

Но теперь, когда вмѣстѣ съ этой картиной отъ него какъ-бы отнимали кусокъ его сердца, онъ думалъ иначе. Вѣдь эта картина — это его твореньe, его работа, его талантъ, его дѣтище! А, между тѣмъ, его дарованіемъ безсовѣстно пользуется другой человѣкъ!.. Онъ, Алеша, не хозяинъ своего созданія... Онъ..

Алеша мрачно взглянулъ на Марина и, молча кивнувъ головою, отвернулся отъ картины.

IX.

— Алеша! Алеша! вы спите! этакой соня! А я вамъ радость принесла! Слушайте, я сейчасъ отъ магазина Ярова... Тамъ ваша картина, а вокругъ толпа народа, большущая... И всѣ про картину говорятъ... Всѣ ею восторгаются. . дядю хвалятъ, говорятъ—«талантъ, восходящая звѣзда, знаменитость!» И это даже художники признаютъ. Поймите! Знатоки! Тамъ ихъ цѣлая толпа собралась... А я-то себѣ думаю: вотъ если бы Алеша услышалъ! А онъ, негодный, спитъ, какъ сурокъ въ своей норкѣ!

И болтая такимъ образомъ, Нюра тормошила за плечи Алексѣя, прикурнувшаго въ уголку дивана.

Солнце сіяло во всю. Лучи его, мелькая по комнатѣ, заливали ее яркимъ свѣтомъ.

Алеша быстро вскочилъ на ноги и мутными глазами уставился на дѣвушку.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялась она,—и смѣшной-же вы! Лохматый, заспанный! Причесывайтесь

скорѣе! Побѣжимъ къ Ярову. Послушаемъ, что говорятъ...

— Нѣтъ! я не пойду! — отвѣтилъ Алеша такимъ упавшимъ голосомъ, что все оживленіе Нюры разомъ пропало

Чуткимъ сердцемъ дѣвушка уловила нотки отчаянія въ голосѣ юноши.

Она мигомъ очутилась подлѣ него, схватила его за руку и прошептала взволнованно:

— Голубчикъ, что съ вами?

И вдругъ, поймавъ брошенный на нее взглядъ Алеши и прочитавъ въ немъ страшную муку и безысходную тоску, она разомъ поняла все.

— Бѣдный, бѣдный Алеша!—произнесла она тихо и крѣпко сжала руку юноши, — жаль мнѣ васъ ужасно... Дядя... дядя очень дурно поступилъ съ вами!—и она неожиданно залилась горькими слезами. Ей было стыдно за поступокъ Марина и безконечно жаль этого бѣднаго, тихаго, талантливаго Алешу.

Но что-же она могла сдѣлать, бѣдная молоденькая дѣвочка?

Развѣ только поплакать и погоревать вмѣстѣ съ нимъ!

. . . . . .

Черезъ два дня послѣ появленія картины въ

витринѣ Ярова, Маринъ получилъ по почтѣ конвертъ съ огромнымъ княжескимъ гербомъ.

Въ конвертѣ лежала записка, въ которой князь Уваловъ,—одинъ изъ очень извѣстныхъ и знатныхъ сановниковъ Петербурга,—приглашалъ художника Марина пожаловать въ одинъ изъ ближайшихъ дней для переговоровъ относительно заказа.

Маринъ ликовалъ. Его извѣстность, очевидно, проникла въ самыя высокія аристократическія сферы.

«Не надо показывать вида, что я очень польщенъ этимъ приглашеніемъ, — рѣшилъ Маринъ.—Пусть знаетъ, что я цѣню себя...»

И, нарочно небрежно повязавъ галстукъ, онъ поскакалъ на Сергіевскую улицу, гдѣ жилъ князь.

Спустя полчаса лакей вводилъ его въ кабинетъ князя. Послѣдній сидѣлъ у стола и курилъ дорогую сигару.

Онъ слегка кивнулъ на почтительный поклонъ Марина и, указавъ ему на ближайшій стулъ, началъ:

— Я видѣлъ у Ярова въ витринѣ вашу картину «Ради сына» и пришелъ отъ нея въ восторгъ.

Маринъ поклонился.

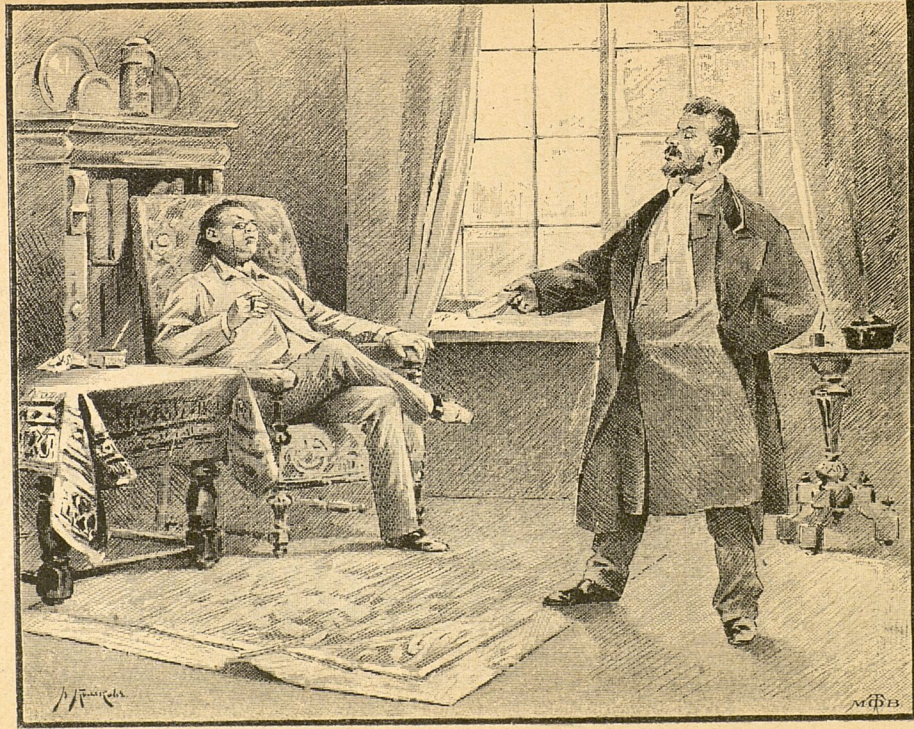
— Подъ впечатлѣніемъ этой картины, — продолжалъ князь,—у меня явилось желаніе заказать вамъ портретъ моей дочери.... моей покойной дочери, которой уже около пяти лѣтъ нѣтъ со мною... У меня осталась лишь фотографическая карточка Лели и по ней вы должны нарисовать портретъ или, вѣрнѣе, картину, изображающую улетающаго ангела... Лицо ангела должно быть лицомъ моей Лели. Но, главное, вы должны точно воспроизвести ея глаза. Я давалъ писать ея портретъ многимъ художникамъ, но они не могли справиться съ задачей. Глаза не удавались и картина казалась заурядной... У нея были особенные глаза, у моей Лели! Достаточно вамъ взглянуть на ея портретъ и вы поймете, что я не ошибаюсь.

И князь протянулъ Марину небольшую фотографическую карточку, изображавшую молодую дѣвушку съ дѣйствительно божественными, лучистыми глазами.

Маринъ всталъ, подошелъ къ окну и съ видомъ знатока сталъ внимательно разсматривать карточку.

— Да, вы правы! Глаза княжны удивительные! — сказалъ онъ, — но я справлюсь съ этой

— Я справлюсь съ этой задачей, — закончилъ онъ гордо, взглянувъ на князя...



задачей! — заключилъ онъ, гордо взглянувъ на князя.

— Постарайтесь!.. Прошу васъ удѣлить этой картинѣ особенное вниманіе,—продолжалъ князь.— Что же касается цѣны, то можете ее назначить сами... Предупреждаю васъ, что я охотно готовъ заплатить пять тысячъ и даже больше за картину съ изображеніемъ моей дочери, если только картина удовлетворитъ меня.

— Для художника слава дороже денегъ,—отвѣтилъ гордо Маринъ, весь закипая восторгомъ при одной мысли скораго обладанія такимъ огромнымъ капиталомъ.—Черезъ недѣли двѣ, три, я вамъ привезу готовый эскизъ картины... Надѣюсь, вы будете довольны!—проговорилъ онъ съ достоинствомъ и, низко поклонившись князю, вышелъ изъ его аппартаментовъ, унося съ собой карточку.

«Не нравится мнѣ физіономія этого Марина что-то!—размышлялъ по его уходѣ князь,—онъ скорѣе похожъ на какого-нибудь дѣльца, чѣмъ на художника. А впрочемъ... какое мнѣ дѣло до его внѣшности, если онъ воспроизведетъ мнѣ дорогое личико моей Лели...»

На глаза князя навернулись слезы.

Онъ безумно любилъ свою покойную дочь.

X.

Прошло двѣ недѣли... Весна медленно, но твердо вступала въ свои права!

Мартовское солнце грѣло во всю... Воробьи чирикали на крышѣ, а снѣгъ таялъ и таялъ, постепенно теряя свой прежній бѣлый, нарядный видъ и смѣшиваясь въ одну сѣрую массу съ петербургскою уличною грязью.

Стояло свѣтлое, радостное утро начала весны.

Князь Уваловъ только-что проснулся... Его лицо носило на себѣ слѣды унынія и грусти... Онъ видѣлъ сегодня странный сонъ. Ему приснилась его мертвая Леля. Она пришла къ нему, наклонилась къ его постели и, протянувъ ему бѣлый и нѣжный цвѣтокъ лиліи, сказала: «Папа, не грусти обо мнѣ, милый! Мнѣ хорошо на небѣ... Я думаю о тебѣ, мой дорогой, и молю Бога, чтобы Онъ послалъ какъ можно скорѣе покой и миръ въ твою наболѣвшую душу».

Она тихо коснулась его лба губами, но когда князь захотѣлъ обнять ее, дѣвушка отдѣлилась отъ пола, одной рукой благословляя его, въ другой держа нѣжный цвѣтокъ лиліи и... исчезла какъ въ туманѣ

Князь проснулся, но бѣлое видѣніе съ нѣжнымъ цвѣткомъ и съ благословляющей рукою не шло изъ памяти и стояло передъ нимъ какъ на яву.

«Надо попросить художника написать ее именно такою: благословляющей и съ лиліей въ рукѣ. Вѣроятно, картина еще не окончена и возможно измѣнить ея сюжетъ такъ, такъ я желаю»... — рѣшилъ мысленно князь и, позвонивъ слугу, приказалъ ему какъ можно скорѣе давать одѣваться.

Черезъ часъ кровный рысакъ Увалова домчалъ его до сѣраго домика, ютившагося на Выборгской сторонѣ.

Князь позвонилъ у подъѣзда.

— Здѣсь живетъ художникъ Маринъ? — обратился онъ къ отворившей ему дверь Нюрѣ.

— Да... Здѣсь... Только дяди нѣту дома... Онъ вышелъ куда-то... скоро вернется, — залепетала смущенно дѣвушка при видѣ важнаго посѣтителя.

— Я подожду его, — произнесъ князь и, сбросивъ шубу, прошелъ въ комнату.

— Занимайтесь своимъ дѣломъ, а я посижу одинъ, милая барышня! — кивнулъ онъ головою все еще не оправившейся отъ смущенія Нюрѣ и мысленно добавилъ, глядя на нее:

«Моя Леля должна была-бы быть теперь какъ-разъ въ этомъ возрастѣ!»

И онъ снова погрузился въ глубокія скорбныя думы о дочери.

Минуты бѣжали, но князь не замѣчалъ ихъ. Образъ умершей дочери снова выплылъ передъ нимъ, лаская его своими лучистыми глазами, благословляя его нѣжной, маленькой рукой.

Одну минуту онъ увидѣлъ ее такъ ясно, что невольно подался впередъ, протянулъ руки и весь блѣдный замеръ отъ неожиданности.

Вдругъ чуть слышный легкій стонъ послышался за стѣною.

Князь насторожился... прислушался... Тишина... Ни звука...

Спустя нѣсколько минутъ новый стонъ съ поразительной ясностью достигъ до его слуха. Увваловъ бросился къ двери, пробѣжалъ коридоръ и толкнулъ маленькую дверцу, за которой слышался стонъ. Его глазамъ представилась странная картина. За мольбертомъ сидѣлъ юноша, блѣдный, исхудалый, съ горящими отчаяніемъ глазами. Правой рукой, вооруженной кистью, онъ водилъ по полотну картины, лѣвую—крѣпко прижималъ къ сердцу и изрѣдка испускалъ короткій, мучительный стонъ. Онъ былъ такъ поглощенъ своей работой, что не слы-

шалъ, какъ вошелъ и остановился за его спиною князь.

Уваловъ бросилъ взоръ на полотно и остановился въ оцѣпѣненіи. На него смотрѣли оттуда, какъ живые, глаза его Лели, тѣ самые глаза, которые не удавалось до сихъ поръ изобразить ни одному художнику и которые онъ, отецъ, одинъ только зналъ. А вся фигура изображеннаго на неоконченной еще картинѣ ангела до того была похожа на умершую дочь князя, что изстрадавшемуся показалось, точно передъ нимъ стоитъ возставшая изъ гроба его ненаглядная Леля...

Нѣсколько минутъ князь молча, пораженный и удивительнымъ сходствомъ и мастерствомъ исполненія, простоялъ на порогѣ комнаты.

Когда первый моментъ восторга прошелъ, князь съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на худого, блѣднаго юношу, водящаго кистью по полотну. Ловкость и умѣнье, съ какими юный художникъ бросалъ краски на полотно, не допускали сомнѣнія въ томъ, что никто иной, какъ именно этотъ юноша писалъ всю картину и что именно онъ, этотъ юноша, сумѣлъ уловить чистое, неземное выраженіе глазъ его Лели и передать его на полотнѣ.

Но почему картину пишетъ этотъ юноша, а

не Маринъ, которому онъ, князь, ее заказалъ? И почему онъ стонетъ какъ въ забывчивости, этотъ юноша? Почему, наконецъ, у него такое странное, измученное лицо?

Князь терялся въ догадкахъ.

Вдругъ Алеша вскочилъ съ мѣста, отбросилъ кисть... Глаза его мрачно загорѣлись, губы покривились горькой усмѣшкой.

— Кажется хорошо!—произнесъ онъ глухо, не замѣтя присутствія князя,—но это опять будетъ не моя, а чужая картина! Проданный трудъ! Проданный талантъ! О, Дмитрій Маринъ, ты хорошо придумалъ свою адскую затѣю.

И онъ судорожно зарыдалъ, наклонивъ голову у мольберта.

Въ это время сильная рука легла на его плечо.

Алексѣй быстро вскочилъ на ноги, испуганный, пораженный.

Передъ нимъ стоялъ совершенно чужой, незнакомый человѣкъ.

— Кто вы? Зачѣмъ вы? — залепеталъ въ смятеніи Алеша.—Сюда нельзя никому входить! Уйдите ради Бога! Уйдите!

— Нѣтъ, я не уйду, мой мальчикъ,—послышался твердый отвѣтъ князя,—не уйду ни за что! Я слышалъ случайно сорвавшіяся у васъ слова,

слова, подсказанныя мукой сердца, о проданномъ талантѣ и о чьей-то дьявольской затѣѣ. И я понялъ все! Вы творецъ этой картины, юноша, этой талантливой работы, а никто другой! И я благословляю васъ за нее, за мою Лелю, которую вамъ удалось воспроизвесть на полотнѣ, какъ живую!

— Нѣтъ... нѣтъ... — безсвязно лепеталъ Алексѣй,—нѣтъ, нѣтъ, это не я... не я писалъ ее... Это хозяинъ... Маринъ... Его благодарите!..

И, какъ подстрѣленная птица, онъ тяжело рухнулъ безъ чувствъ къ ногамъ князя.

XI.

Князь Уваловъ сидѣлъ въ своей гостиной и разговаривалъ вполголоса съ высокимъ сѣдымъ господиномъ въ темныхъ очкахъ.

— Ему лучше, докторъ? Онъ выживетъ?— спросилъ князь.

— Натура молодая, сильная... Надо надѣяться... Такой славный, такой красивый юноша!— задумчиво произнесъ врачъ.

— И какой талантливый и честный, добавьте! Знаете, о чемъ онъ бредитъ всѣ эти ночи,

докторъ? Онъ умоляетъ никому не открывать его тайны, чтобы не повредить этому безстыдному эксплоататору Марину. Несчастный юноша! Благословляю судьбу, что мнѣ удалось увести его отъ этого жестокаго человѣка...

— Воображаю, какъ пораженъ былъ этотъ Маринъ, когда, вернувшись, онъ не нашелъ ни юноши, ни картины, — сказалъ невольно усмѣхаясь собесѣдникъ князя.

— Вы сейчасъ увидите его. Я пригласилъ его сюда для объясненій. Я хочу...

Появленіе лакея помѣшало князю договорить.

— Г-нъ Маринъ!—доложилъ слуга.

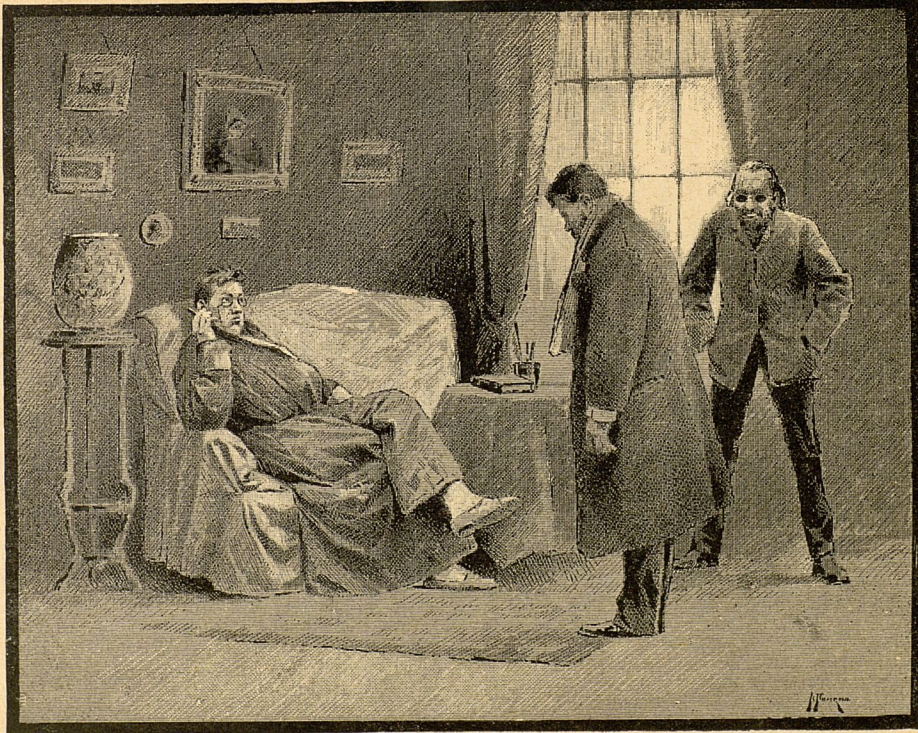
— Проси!—коротко приказалъ князь.

Встревоженный и слегка блѣдный, вошелъ въ комнату Маринъ.

— Ваше сіятельство...—началъ онъ нетвердо, — я пришелъ, чтобъ узнать, какъ здоровье моего помощника, Алексѣя Ратманина. Вы знаете, князь, что я очень привязанъ къ нему и...

— Молчите, — круто оборвалъ его князь, — и слушайте, что я вамъ скажу. Вы обманули того несчастнаго юношу, который лежитъ теперь у меня въ бреду въ жесточайшей горячкѣ... Вы воспользовались его безвыходнымъ положеніемъ и заставили его заключить позорное условіе... Вы безсовѣстно эк-

— Я согласенъ! — произнесъ Маринъ, замирая отъ страха...



сплоатировали его талантъ, вы чуть не убили его тѣми нравственными мученіями, которыя ему пришлось испытывать, отдавая вамъ, вмѣстѣ со своими картинами, куски своего сердца... Изъ его горячечнаго бреда я понялъ все. Понялъ, какъ вы безчестно воспользовались его талантомъ въ тяжелую для него минуту, словомъ, узналъ всю его мучительную драму... Узналъ я также, какой честный и благородный юноша, этотъ Ратманинъ: онъ считалъ заключенное съ вами условіе обязательнымъ для себя и не хотѣлъ выдать васъ. Но теперь ваша тайна разоблачена и я не допущу, чтобъ онъ работалъ впредь у васъ и доставлялъ вамъ славу и деньги цѣною собственной своей славы... Я рѣшилъ заняться судьбою Алексѣя Ратманина и окончательно отнимаю у васъ вашего помощника, господинъ Маринъ. Но я боюсь, какъ бы несчастнаго юношу, когда онъ поправится, не замучили ложные упреки совѣсти, что онъ не выполнитъ вашихъ условій. Поэтому я рѣшилъ, г-нъ Маринъ, заплатить вамъ за то, что вы отнынѣ лишитесь помощника, который-бы вамъ писалъ ваши картины... Я заплачу вамъ, сколько вамъ слѣдуетъ, за квартиру и обѣды Ратманина, за все время, которое онъ прожилъ у васъ. Но я требую, чтобы вы письменно отказались отъ всякихъ претензій къ Рат-

манину и считали заключенное съ нимъ условіе недѣйствительнымъ. Вы, г-нъ Маринъ,—прибавилъ князь, — и такъ достаточно нажили за это время на работахъ Ратманина, которыя вы выдавали за свои, и въ сущности васъ слѣдовало бы отдать подъ судъ за обманъ. Но я этого не сдѣлаю, не сдѣлаю ради этого добраго, сердечнаго мальчика... И такъ, вы согласны получить ту сумму, которую я вамъ предлагаю за возвращеніе Ратманину проданнаго имъ таланта?

— Я согласенъ!—произнесъ Маринъ, замирая отъ страха.

Докторъ не могъ удержаться и громко расхохотался при видѣ его разомъ съежившейся фигуры.

— А теперь давайте условіе и получайте деньги...

Маринъ вынулъ изъ кармана подписанное Алешей условіе и, передавая его князю, сказалъ:

— Это, вѣрно, моя Нюра предала меня... Кромѣ нея никто не могъ знать о нашемъ соглашеніи съ Ратманинымъ, а онъ навѣрное не выдалъ меня... Я его знаю. Да, да, это навѣрное Нюра.

— Вы говорите про вашу племянницу? — переспросилъ князь.—Нѣтъ, не она выдала васъ, а выдала странная судьба, странный случай...

Ваша племянница только помогла мнѣ раскрыть истину; она не научилась, къ счастью, лгать какъ вы. Когда бѣдный юноша упалъ безъ чувствъ, она прибѣжала на шумъ и дала мнѣ возможность узнать все то, чего я сразу не могъ понять, и окончательно убѣдила меня, какъ безчестно поступили вы съ бѣднымъ мальчикомъ.

— Значитъ все-таки Нюрка! Я завтра же прогоню ее!—вырвалось невольно у Марина.

— О, отъ этого она не пострадаетъ, — возразилъ князь, — я предвидѣлъ это и позабочусь о ней. А теперь, г-нъ Маринъ, берите деньги, и наши разговоры съ вами покончены.

Маринъ взялъ протянутыя ему княземъ ассигнаціи, поклонился и вышелъ изъ комнаты

Послѣ ухода его, когда князь съ докторомъ остались опять одни, послѣдній спросилъ:

— Вы окончательно рѣшили, князь, заняться этимъ юношей?

— Докторъ, — произнесъ Уваловъ тихимъ, задушевнымъ голосомъ,—сама покойница Леля руководитъ этимъ дѣломъ. Не странно-ли все это? Она явилась мнѣ въ ту ночь во снѣ. Этотъ дивный сонъ заставилъ меня отправиться къ Марину, гдѣ я нашелъ этого юношу въ минуту крайняго отчаянія Во всемъ происшедшемъ я вижу волю моей не-

забвенной дочери. Юноша безусловно талантливъ, но однимъ талантомъ трудно выбраться на дорогу славы. Я поддержу его. Я помогу ему, дамъ средства и силы. Однимъ словомъ, я займусь этимъ юношей, какъ собственнымъ сыномъ.

— Благослови васъ Богъ за это, князь!—произнесъ растроганный докторъ, сильно пожимая руку Увалова.

— Но, Бога ради, докторъ, скорѣе поднимите его на ноги. Съ первыми теплыми днями я отправлю его въ мое подмосковное имѣніе, гдѣ мы всегда проводили весну съ Лелей... Тамъ онъ долженъ поправиться, отдохнуть и набрать силъ...

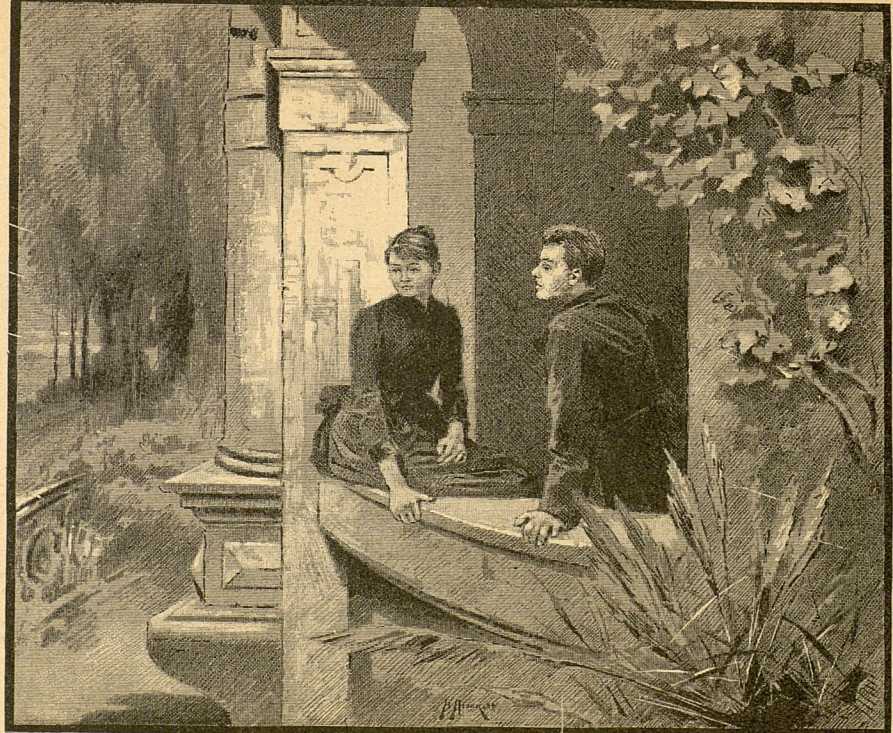
— Да, но я посовѣтовалъ-бы вамъ выписать мать юноши, — замѣтилъ докторъ. — Больной постоянно въ бреду упоминаетъ о ней... Очевидно, любитъ ее крѣпко. А ласка матери отогрѣетъ его наболѣвшую душу скорѣе всякихъ лѣкарствъ.

— Вы правы, докторъ; я сдѣлаю все, что надо,— произнесъ князь.—Кто знаетъ, можетъ быть, моя дорогая Леля будетъ радоваться на небесахъ моему поступку,—заключилъ онъ тихо, чуть слышно.

XII.

— Кажется, она ѣдетъ, мама!

— Нѣтъ, ты ошибаешься, Алеша!



— Кажется, она ѣдетъ, мама!.

— Да, ты права! Это пастухъ стадо гонитъ со стороны станціи, а мнѣ показалось—коляска.

Алексѣй Ратманинъ, еще блѣдный и исхудавшій послѣ болѣзни, сидѣлъ на балконѣ дома князя Увалова подлѣ Анны Викторовны, уже успѣвшей поправиться и загорѣть за одинъ мѣсяцъ, проведенный ею съ сыномъ въ имѣніи князя.

И матери, и сыну все пережитое казалось тяжелымъ, но мимолетнымъ сномъ. Все темное и дурное осталось далеко позади нихъ

Впереди сіяло огромное, неожиданное, яркое счастье.

Князь исполнилъ свое слово. Онъ пріютилъ ихъ обоихъ въ своемъ имѣніи и обѣщалъ помѣстить Алексѣя въ академію, чтобы тотъ могъ довершить художественное образованіе.

Портретъ Лели, написанный Алексѣемъ, висѣлъ надъ постелью князя и напоминалъ ему поминутно о его новыхъ обязанностяхъ по отношенію къ нарисовавшему его молодому художнику.

— Какъ хороша жизнь, мама! — произнесъ Алеша, вдыхая въ себя полной грудью свѣжій ароматъ только-что распустившихся липъ,—какъ прекрасна и полна жизнь!.. Теперь только я понялъ это, когда вновь нашелъ потерянное счастье.

— А не испытай ты тяжелаго горя, Алеша,

ты бы не сумѣлъ оцѣнить всей полноты счастья...— произнесла Анна Викторовна, любуясь значительно посвѣжѣвшимъ и поздоровѣвшимъ лицомъ сына.

Онъ только молча, въ знакъ согласія, кивнулъ своей кудрявой головой.

Гдѣ-то неподалеку звякнулъ колокольчикъ.

— Нюра ѣдетъ! Непремѣнно она,—а я уже боялся, что Маринъ раздумалъ и рѣшилъ оставить ее у себя,—произнесъ Ратманинъ, пристально вглядываясь въ сторону дороги.

Дѣйствительно, вскорѣ показалась коляска, а изъ нея выглянуло оживленное личико Нюры.

Черезъ минуту она была уже на балконѣ и крѣпко пожимала руку Алеши и его матери, съ которой успѣла познакомиться въ Петербургѣ у постели своего больного друга, говорила оживленно и радостно:

— Ахъ, какъ хорошо! Такъ хорошо, что чудо— Этотъ дивный садъ... И домъ... точно замокъ изъ сказки... Да и все точно сказка... Этотъ князь точно добрый волшебникъ, избавитель, и все... и все такъ странно, такъ сказочно.

— Сказка...—произнесъ задумчиво Алеша,— вы это хорошо сказали, Нюра... и пусть эта сказка будетъ длиться долго... безъ конца...

— Да.. да... пусть длится, пока вы не сдѣ-

лаетесь большимъ, знаменитымъ художникомъ и не заважничаете передъ всѣми нами!—звонко засмѣялась дѣвушка.

Какая-то птичка шарахнулась въ кусты, испугавшись громкаго, дѣвичьяго смѣха.

Анна Викторовна любовно заглянула въ лицо сына

Глаза Алексѣя, широко раскрытые, смотрѣли въ даль, тихо сіяя какимъ-то особеннымъ свѣтомъ...

Новые образы толпились въ его головѣ, сердце наполнялось счастьемъ, огромнымъ, свѣтлымъ, сіяющимъ...

А тихій садъ пѣлъ и дышалъ передъ ними чудною пѣснью и юною жизнью молодой радостной весны...

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА ВОЛЬФА

Собраніе разсказовъ и повѣстей извѣстныхъ русскихъ авторовъ, — преимущественно изъ русской жизни и русскаго быта. Каждая книжка заключаетъ въ себѣ совершенно законченное произведеніе, отпечатанное на веленевой бумагѣ четкимъ и яснымъ шрифтомъ.

1. Груня. Разсказъ Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Съ 1 отд. карт. и 3 рис. въ текстѣ худ. В. А. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

2. Красный фонарь. Разсказъ Н. Г. Вучетича. Съ 1 отд. карт. В. А. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

3. Дуня Перехватова. Разсказъ К. С. Баранцевича. Съ 1 отд. карт. худ. А. Скиргелло. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

4. Митина нива. Разсказъ Н. Г. Вучетича. Съ 1 отд. карт. худ. В. А. Полякова. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

5. Звѣздочка. Разсказъ Клавдіи Лукашевичъ. Съ 1 отд. карт. и 3 рис. въ текстѣ худ. Н. Н. Ольшанскаго. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

6. Птицеловъ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

7. Крестьянская свадьба. Разсказъ для дѣтей С. М. Макаровой. Съ 2 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

8. Мунька. Похожденія одной собаки. Разсказъ К. Станюковича. Съ 4 отд. карт. и со многими рис. въ текстѣ А. И. Сударушкина и др. худ. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

9. Счастье быть богатымъ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

10. Канунъ Рождества. Повѣсть для дѣтей С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

11. Вербы. Разсказъ С. М. Макаровой. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

12. Свѣтлый праздникъ. Разсказъ С. М. Макаровой. Съ 2 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

13. Пангеранъ-Пугаръ, яванскій охотникъ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

14. То—что можно. Разсказъ А. В. Круглова. Съ 6 отд. карт. худ. В. А. Табурина. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

15. Петро Акчимъ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

16. Семикъ и Троицынъ день. Разсказъ С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

17. Ночь на Иванов день. Разсказъ С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

18. Какъ поймать солнечный лучъ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

19. Субала, добродушный слонъ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

20. Гаранька. Разсказъ Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Съ 4 отд. карт. худ. В. А. Табурина. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

21. Петрусь Мартынюкъ. Повѣсть Н. Н. Брешко-Брешковскаго. Съ 4 отд. карт. худ. В. В. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

22. Чайка. Разсказъ М. Б. Чистякова. Съ 2 рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

23. Бѣдные индусы. Повѣсть М. Б. Чистякова. Съ 4 отд. карт. худ. Н. Богданова. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

24. Домикъ съ цвѣтами. — Старый садовникъ. Разсказы М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. и съ 1 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

25. Орландъ. — Поэтъ и соловей. Разсказы М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

26. Выѣздъ въ деревню. Разсказъ М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

27. Воспоминанія моего товарища. Разсказъ М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. И. В. Симакова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

28. Доброе слово. Разсказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

29. Сюрпризъ. Разсказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

30. Наташа Гордѣева. Разсказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

31. Друзья. Разсказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисунками. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

32. Шмуэль. Разсказъ для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисунками. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

33. Горькая судьба. Разсказъ для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисунками. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

34. Промелькнувшее счастье. Разсказъ Клавдіи Лукашевичъ. Съ 4 отд. иллюстр. и 1 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

35. Нѣмецъ и Страшилище. Два разсказа изъ гимназ. и студ. жизни И. Н. Потапенко. Съ рисунками В. Полякова и А. Юмудскаго. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

1314*

СОЧИНЕНІЯ Л. А. ЧАРСКОЙ

ИЗДАННЫЯ Т-ОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ. Повѣсть для юношества. Съ 83 иллюстр. А. И. Сударушкина. 6 нен. +286 стран. Ц. въ колен. перепл. 3 р.

КНЯЖНА ЛЖДЯЙУД. Повѣсть для юношества. Съ 80 иллюстр. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. 8 нен. +336 стран. Ц. въ колен. перепл. 3 р.

ЛЖДЯ ВЛАРРОВРЦАЯ. Повѣсть для юношества. Съ 119 иллюстр. В. А. Табурина и П. С. Захарова. 8 нен. 4-447 стран. Ц. въ колен. перепл. 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Повѣсть для юношества. Съ иллюстраціями И. В. Симакова. Ц. въ колен. перепл. 3 р.

ЗА ЧТО? Мои повѣсть о самой себѣ, въ 4 частяхъ. Съ иллюстраціями. Помѣщена въ «Задуш. Словѣ» въ 1907 г. Ц. годового комплекта въ коленк. пер 5 р. 25 к.

ЛѢСОВИЧКА. Повѣсть для юношества, въ 3 частяхъ. Съ илл. З. Шапиро. Помѣщ. въ «Зад. Словѣ» для старш. возр. за 1908 годъ.

ЛЮБИМЫЙ РЦАРТЦЕ. Повѣсть для дѣтей. Съ 14 иллюстр. художн. В. А. Табурина и И. В. Симакова. 4 нен. 4-1904-11 стран. +10 отд. картинъ. Ц. въ коленк. перепл. 2 р. 50 к.

ТАРМНИ ГОРС. Повѣсть для дѣтей. Съ иллюстраціями И. В. Симакова. Помѣщена въ журналѣ «Задушевное Слово» для дѣтей младшаго возраста за 1906 г. Ц. годового комплета въ колен. перепл. 5 р. 25 к.

ЗАПИСКИ ОМЕРТНЫ. Повѣсть для дѣтей. Съ 12 иллюстр. Э. К. Соколовскаго. 8 нен. 4-1384-11 стран. 4-12 отд. картинъ. Ц. въ колен. перепл. 1 р. 75 к.

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ. Повѣсть для дѣтей. Съ иллюстраціями А. Бальдингера. Помѣщена въ «Задуш. Словѣ» въ 1907 г. Цѣна годового комплекта въ колен. перепл. 5 р 25 к.

ПЕРВЫЙ ТОВАРИЩЕ. Повѣсть для дѣтей. Съ 10 оригин. отд. картинами художника Э. К. Соколовскаго. 4 нен. 4-135 стран. 4-10 картинъ. Ц. въ коленк. перепл. 1 р. 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Повѣсть для дѣтей. Съ иллюстраціями И. В. Симакова. Въ коленк. перепл. Ц. 2 р. 50 к.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Повѣсть для дѣтей. Помѣщена въ «Задуш. Словѣ» для младш. возр. за 1908 г.

ЧЕТЫРЕ ВИКА. Повѣсть для дѣтей, въ 4-хъ частяхъ. Съ многочисленными иллюстраціями. Готовится къ печати.

ГЛОАНАТТ*. Тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Историческая повѣсть. Съ 10 оригин. иллюстр. У. І. Смукровича и 127 копіями съ картинъ, рисунковъ и портретовъ проф. Горшельта, проф. Грузинскаго, Тимма и др. русск. художниковъ. 4 нен. 4-114-3104-11 стран. +20 отд. картинъ. Ц. въ коленк. перепл. 3 р. 50 к.

ЕМЪЛИЯ ЛАЗОНЪ. Историческая повѣсть для юношества. Съ иллюстр. худ. В. А. Полякова и др. Помѣщена въ журналѣ «Задушевное Слово» для дѣтей старшаго возраста за 1905 г. Ц. годового комплекта въ коленк. перепл. 5 р. 25 коп.

ПАШЪ ЦЕЗАРЕВЫ. Историческая повѣсть изъ временъ императрицы Елизаветы Петровны. Съ иллюстраціями А. Бальдингера. Готовится къ печати.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. 253 стран. Ц. 1 р.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Разсказъ для юношества, съ 8 рис. В. Полякова. Ц. 45 коп.

СЪРЫЙ ДОМЪ. Разсказъ для юношества. Съ иллюстраціями Э. Соколовскаго. Готовится къ печати.

КОГДА МЫ БОЛИ МАЛЕНЬКИЕ. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Съ раскрашенными картинками и рисунками въ текстѣ. 20 стран. 14 акварели. Ц. въ хромо-литограф. папочн. перепл. 90 коп.

ВЕСЕЛАЯ ДИЛЬЖИНА. Книжка стишковъ для дѣтей младшаго возраста. Съ 57 рисунками. 8 нен. +18 стран. Ц. въ перепл. 80 коп.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Разсказъ изъ жизни маленькихъ котошекъ. Съ раскр. рис. А. Гейера.

СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ. Съ иллюстраціями В. А. Табурина, З. А. Шапиро, Бал*цера и др.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., В. О. 16 лин., д. 5—7.